

От автора
«Среди овец и козлищ»!

Джоанна КЭННОН

ТРИ ФАКТА
ОБ ЭЛСИ

Свет в океане

Джоанна Кэннон
Три факта об Элси

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Кэннон Д.

Три факта об Элси / Д. Кэннон — «АСТ», 2018 — (Свет в океане)

ISBN 978-5-17-106266-8

Флоренс Клэйборн лежит на полу без движения, в ожидании кого-то, кто окажет ей помощь, — и в ее памяти прокручиваются разные события и факты... Факт № 1: Когда-то сестра ее лучшей подруги Элси погибла от руки своего жениха Ронни Батлера. Факт № 2: Сразу же вслед за этим погиб и он сам. Факт № 3: И вот совсем недавно Флоренс узнала вдруг в пианисте Габриэле Прайсе живого и невредимого Ронни Батлера. А тот принялся строить козни, чтобы свести ее с ума или по крайней мере заставить всех поверить в ее сумасшествие... Поэтому Флоренс решила сама во всем разобраться и выяснить наконец правду.

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-106266-8

© Кэннон Д., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	46
-----------------------------------	----

Джоанна Кэннон

Три факта об Элси

Джорджу и Флорри

Серия «Свет в океане»

Joanna Cannon
THREE THINGS ABOUT ELSIE

Перевод с английского *О. А. Мышаковой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Conville & Walsh Ltd. и Synopsis. Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

© Joanna Cannon, 2018
© Перевод. О. А. Мышакова, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

16:48

«Как же это вы так упали, Фло? – спросят они меня, когда найдут. – Голова закружилась? А вы были в очках? Вы что, споткнулись?»

За разговором они будут делать свою работу: наденут мне манжету повыше локтя, прицепят на палец пластиковый зажим и распутают провода от одного из своих приборов. Посветят фонариком мне в глаза, переберут мои лекарства и сложат их в одну из своих сумок.

«Вам стало дурно? Можете улыбнуться? А мою руку сжать можете?»

Меня вынесут из коридора, причем им придется попотеть – здесь и одному тесно, а двум мужчинам в специальной форме и вовсе не повернуться. Через задние двери «Скорой» загрузят в ослепительно-белый медицинский мир, где исчезнет всякий внешний шум, и я буду моргать и щуриться, силясь что-нибудь угадать по их лицам.

«Все хорошо, Фло, – скажут они. – Все будет хорошо, Фло».

При том, что мы с ними не добрые знакомые и я не разрешала называть меня Фло. Так меня называет только Элси.

Один из них сядет рядом со мной, когда машина помчится по улице под синей мигалкой. Голубой свет будет пробегать по его лицу, время от времени он станет мне улыбаться, и в полумраке его рука найдет мою.

А в больнице меня на дребезжащей каталке провезут в приемный покой неотложки через двойные красные двери. Там будут люди с теми же вопросами и яркими фонариками, меня повезут по пустым коридорам и обследуют всякими приборами. Девушка на посту поднимет голову, когда меня будут везти мимо, – и отвернется: очередная старуха на каталке, завернутая в одеяла и цепляющаяся за этот мир.

Мне найдут сиделку и медсестру с тихими руками. Сиделка будет двигаться без суеты, но делать все проворно, а медсестра окажется человеком, который действительно выслушает меня. Постель будет теплой и гладкой, и я не стану беспокоиться, даже когда погасят свет.

Всему, о чем я вам рассказываю, еще только предстоит случиться: сейчас я лежу на полу гостиной в ожидании, когда меня найдут, когда кто-нибудь спохватится, куда это я делась.

У меня много времени до их приезда, чтобы продумать все, что я скажу. Много времени, чтобы вспомнить все с самого начала и рассказать так, дабы услышанному поверили – и приняли его. Может показаться, что в тишине легче думается, но это не так. Единственный звук, который я слышу, – мое собственное дыхание, прокладывающее дорогу в тело и обратно вопреки всему. Стоит фразе получиться стройной и убедительной, как она ускользает от меня, и приходится начинать заново.

«Сосредоточься, Флоренс, – всегда твердит мне Элси. – Концентрируйся на каждом слове, не торопись».

Но Элси здесь нет, она мне не поможет. Придется подбирать слова самой и среди них найти место и для молчания. В жизни каждого человека есть тайна – то, о чем он никогда не говорит. У каждого есть слова, которые он держит при себе. Так поступают с по-настоящему важными секретами. Вы таскаете их с собой всю жизнь, как тяжелый неудобный чемодан, или находите, кому довериться. Я решила, что унесу свою тайну с собой, но сейчас, лежа в ожидании, когда меня найдут, я невольно беспокоюсь, что так в итоге и получится, и финальные слова моей истории прозвучат в комнате, полной бежевого цвета и забывчивости, и никто их не услышит. Впрочем, невозможно узнать, что ты на последней странице, пока на ней не окажешься.

Неужели это и вправду финал?

Неужели вечность для меня начнется сейчас?

Флоренс

Все началось месяц назад, в пятницу утром. Я осматривала комнату, гадая, куда делся тележурнал, когда заметила непорядок.

Слоник на каминной полке был развернут. Он всегда стоит головой к окну – я где-то вычитала, что это приносит удачу. Конечно, я знаю, что удача здесь ни при чем, но это как ставить новые туфли на стол или разминуться с кем-то на лестнице: засядет мысль в голове, и тебе как-то неловко, что ты не следуешь общим правилам. Я бы обвинила кого-нибудь из обслуживающего персонала, но я всегда прохожусь с пылесосом после ухода уборщицы – и необходимо, и время убивает, так что слоника я бы заметила сразу. Я все замечаю.

– Вы что-нибудь видите?

Это мисс Амброуз, пришла на нашу еженедельную беседу – неугомонная, пахнет лаком для волос, двоюродная сестра живет в Труро. Я решила ее испытать. Мисс Амброуз оглядела комнату, но сразу было понятно, что она рассеянна и не пытается сосредоточиться.

– Смотрите лучше, – велела я. – Со всем вниманием.

Мисс Амброуз разматывала шарф.

– Смотрю, – согласилась она, – смотрю.

Я подождала.

– Слоник. Слоник на каминной полке! – Я ткнула пальцем. – Повернут к телевизору, а ведь всегда стоял головой к окну! Его переставили!

Мисс Амброуз спросила, нравится ли мне эта перемена. Перемена! Тыча пальцем в направлении слоника, я отдельно сказала:

– Я этого не делала.

Мисс Амброуз не приняла услышанное всерьез. Она никогда мне не верит.

– Должно быть, его повернула одна из уборщиц, – предположила она.

– А вот и нет! Когда я вчера ложилась спать, слоник стоял правильно. А когда я проснулась сегодня утром, он оказался развернут вот так!

– Флоренс, вы что, опять вытирали пыль? Вытереть пыль – наша забота.

Я упорно рассматривала батарею, пряча глаза.

– Даже и не думала.

Мисс Амброуз села в кресло у камина и еле слышно вздохнула:

– Может, он упал?

– И сам забрался обратно?

– Но мы же не всегда все помним! Кое-что мы делаем автоматически, не думая. Наверное, мы машинально поставили его обратно.

Я подошла к каминной полке и повернула слоника головой к окну, демонстративно глядя на мисс Амброуз.

– Это же безделушка, Флоренс! Как бы она ни стояла, от этого вреда не будет. Поставить чайник?

Я упрямо смотрела на слоника, слушая, как мисс Амброуз роется в кухонных шкафчиках в поисках имбирного печенья.

– В кладовке на верхней полке! – крикнула я. – Сразу увидите.

Мисс Амброуз вышла из кухни с подносом.

– Вообще-то на нижней, – уточнила она. – Я же говорю, мы не всегда фиксируем наши действия.

Я рассматривала ее джемпер. По низу были нашиты помпончики всевозможных цветов.

– Ну, допустим, не фиксируем, – скрепя сердце отозвалась я.

Мисс Амброуз присела на краешек кресла. Она всегда одевается очень нарядно; жаль только, лицо подкачалось, не вписывается в образ. Мы с Элси однажды спорили, сколько может быть лет мисс Амброуз. Элси утверждала, что под сорок, но я уверена – этот поезд ушел, и даже рельсы разобрали. Мисс Амброуз всегда выглядела особой с хронической бессонницей, надевавшейся обмануть весь мир толстым слоем губной помады и энтузиазма. Я снова устала на батарею отопления, потому что у мисс Амброуз есть привычка вычитывать по глазам сокровенное.

– Как ваши дела, Флоренс?

На батарее двадцать пять бороздок.

– Спасибо, прекрасно.

– Чем занимались на этой неделе?

Бороздки трудно сосчитать, потому что, если долго на них смотреть, начинает рябить в глазах.

– У меня много дел.

– Мы нечасто видим вас в общей гостиной, а ведь там проходит много интересных мероприятий. Вот разве не интересно было бы вчера делать открытки?

У меня целый стол таких открыток. Я могу поздравить полдюжины людей с рождением их прекрасной дочери, просто потянув за ручку выдвижного ящика.

– Ну, может, на следующей неделе, – отозвалась я.

Мисс Амброуз глубоко вздохнула. Это не предвещало ничего хорошего: обычно она набирает побольше воздуха перед спором.

– Флоренс, – начала она.

Я промолчала.

– Флоренс, я лишь хочу убедиться. Вам хорошо у нас в «Вишневом дереве»?

Голос у мисс Амброуз к концу фразы часто идет вверх, будто мир кажется ей настолько неопределенным, что она вынуждена все время переспрашивать. Я отвернулась к окну. Сплошь кирпич и бетон, прямые линии и резкие углы, крошечные окна в маленькие жизни. Линии горизонта не видно. Я никогда не думала, что лишусь горизонта вместе со всем остальным, но только в старости понимаешь: куда ни повернись, все равно будешь наткаться взглядом на зияющие утраты.

– Не исключено, что нам нужно еще раз подумать – подходит ли вам «Вишневое дерево», – сказала мисс Амброуз. – Может, где-нибудь в другом месте вам будет лучше?

Я повернулась к ней:

– В «Зеленый берег» вы меня не отправите!

– В «Зеленом берегу» гораздо больше сотрудников. – Мисс Амброуз наклонила голову вбок, отчего у нее на шее натянулась дряблая кожа и показались мелкие морщинки. – Вам будут уделять куда больше личного внимания.

– Не хочу я личного внимания! Я вообще не хочу никакого внимания! Я мечтаю, чтобы меня оставили в покое!

– Флоренс, с возрастом мы теряем способность понимать, что для нас лучше. Так бывает со всеми. Может, вам еще понравится в «Зеленом берегу»? Ну, вдруг там интересно?

– Чего уж тут интересного, когда никто тебя не слушает, – буркнула я батарею.

– Простите, что?

– Я туда не поеду. Вы меня не заставите!

Мисс Амброуз начала было говорить, но сдержалась.

– Почему бы нам не поискать компромисс? Давайте посмотрим, как пойдут дела в ближайший... ну, скажем, месяц? И заново оценим сложившуюся ситуацию?

– Месяц?

– И повторная оценка ситуации. Со всех точек зрения. Испытательный срок.

– Испытательный?! Это какое же преступление я совершила?

– Это фигура речи, Флоренс, не более того. – Каблуки мисс Амброуз выбили короткую дробь на ковре. Она тянула паузу в расчете, что я кинусь ее заполнять, и она найдет, за что зацепиться. Но у меня хватило ума промолчать.

– Завтра днем покажут «Унесенных ветром», – не выдержала она, когда пауза затянулась.

– Я смотрела, – отрезала я.

– Весь мир смотрел, не в этом дело...

– Я никогда не была поклонницей Кларка Гейбла.

Я по-прежнему не сводила взгляда с батареи, но слышала, как мисс Амброуз подалась вперед.

– Вы не можете похоронить себя в этой квартире, Флоренс! Испытательный срок на месяц, помните? Вы должны пойти мне навстречу.

Я хотела сказать: «С какой стати мне идти кому-то там навстречу?» – но вместо этого сосредоточилась на батарею, пока не услышала звук закрывшейся двери.

– У него изо рта воняло, у Гейбла вашего! – заорала я. – Я читала об этом. В журнале!

Есть три вещи, которые вам надо знать об Элси. Первое – она моя лучшая подруга.

Люди ссорятся с лучшими друзьями и выбирают новых – то тот, то этот, смотря по настроению и компании, но моей лучшей подругой всегда была и останется Элси. В этом и

состоит смысл понятия «лучший друг», не правда ли? Тот, кто тебя поддержит, что бы ни случилось. Не могу сказать, что за столько лет нам не случалось ссориться, но это из-за диаметральной противоположности характеров. Мы даже внешне антиподы: Элси низенькая, а я высокая, Элси миниатюрная, а у меня большие ноги, я ношу обувь восьмого размера¹. И не скрываю, и всем об этом говорю. Потому что, как сказала Элси, раз уж достались такие ступни, остается ими хвастаться.

Большую часть времени мы проводим вместе, я и Элси. Мы даже обедаем вдвоем – так легче обслуживающему персоналу, да и нам веселее: ведь ничто в мире не звучит так одиноко, как один нож и одна вилка, звякающие по тарелке.

Некоторое время спустя после ультиматума мисс Амброуз мы с Элси сидели в моей квартире у окна и обедали.

– Пока никто не показывался, – произнесла я.

Я знаю, что она меня слышала, женщина в розовой форме. Она со своей тележкой стояла в трех футах, накладывая нам еду в тарелки, а я говорю четко даже в худшие времена. Элси говорит, что я кричу, но я не кричу, а просто хочу быть уверенной, что меня поняли, даже постучала вилкой по бокалу.

– Я про номер двенадцать, – громко сказала я. – Говорю, оттуда еще никто не показывался. А там уже несколько дней кто-то живет – я видела свет!

Женщина в розовой форме, не дрогнув, шлепнула мне на тарелку печеных бобов.

Элси подняла на меня глаза:

– Не кричи, Фло.

– Я не кричу, – возразила я, – я высказываю свое мнение! Мне уже мало что позволяют делать, но высказывать свое мнение пока не запретили. И контейнер еще не увезли. Вот дождутся они у меня письма!

– Так почему ж ты не напишешь? – спросила Элси.

Я взглянула на нее и снова отвела глаза.

– Не могу, мне поставили ультиматум.

– То есть?

– Мисс Амброуз дала мне испытательный срок, – сообщила я, глядя в стакан.

– За какое же преступление?

– Это такая фигура речи, – объяснила я.

– Контейнер скоро увезут, мисс Клэйборн, – сказала женщина в розовой форме.

Я повернулась к ней:

– Нельзя выметать человека, как мусор! Надо кому-то на них пожаловаться!

– После смерти жильцов они вправе делать все, что захотят, – возразила Элси. – Здесь они хозяева, Флоренс.

Во дворе опавшая листва ворохом собралась у края газона. Ветер играл оранжевыми и красными листьями, заставляя их кувыркаться на бетоне.

– Я видела ее на прошлой неделе, она шла вон по той дорожке с пакетом!

Женщина в розовой форме подняла глаза.

– Должно же это что-то значить, – продолжала я, – что я ее видела! А теперь вся ее жизнь лежит в мусорном контейнере.

– Им необходимо освободить квартиру, – объяснила женщина, – для нового жильца.

Мы обе посмотрели на нее. Она молчала.

– Интересно, и кто же это? – поинтересовалась я.

Никакой реакции.

– Мне тоже интересно, – добавила Элси.

¹ 8-й британский размер – 41-й российский.

Женщина в розовой форме досадливо нахмурилась:

– Я не работала, у меня был выходной. В любом случае этим заведует мисс Биссель.

Я многозначительно приподняла бровь, глядя на Элси, но та занялась рыбным «пальчиком». По-моему, Элси слишком легко сдается. К розовой форме женщины с тележкой приколот бейдж с надписью: «Я здесь, чтобы помочь».

– Было бы очень полезно, – сказала я бейджу, – если бы вы поделились любыми слухами, которые до вас дошли.

Некоторое время мои слова висели в воздухе.

– Все, что я знаю, – это мужчина, – отозвалась сотрудница.

– Мужчина? – переспросила я.

– Мужчина? – подняла голову от тарелки Элси.

– Вы уверены? – усомнилась я.

Женщина ответила:

– Да, да, абсолютно.

Мы с Элси переглянулись. В «Вишневом дереве» очень мало мужчин. Иногда их можно увидеть неподвижно сидящими в углу общей гостиной или бродящих по территории, где дорожки никуда не ведут, разве что обратно к началу. Большинство проживающих – женщины, которые давно потеряли своих мужей. Правда, в слове «потеряли» мне чудится своеобразный оттенок: можно подумать, они случайно забыли супругов на вокзале.

– Интересно, много ли народу пойдет на похороны, – рассуждала я вслух. – Я про женщину из двенадцатой квартиры. Может, нам сделать над собой усилие?

– В нашем возрасте народу много не бывает. – Элси плотнее запахнулась в свой бурый кардиган. Я считаю, этот цвет ей не идет. – В этом и проблема с похоронами глубоких стариков: большинство приглашенных уже обскакали тебя на финише.

– Она здесь недолго прожила, – проговорила я.

Элси подцепила вилкой картофельного пюре.

– Как ее звали, напомни?

– Кажется, Бренда. Или Бетти.

Вся жизнь этой Бренды, Барбары или Бетти отправилась в мусорный контейнер: украшения, которые она любила, картины, которые она выбирала, книги, которые она читала и те, которые уже не прочтет до конца, фотографии, выпавшие из рамок, разбившихся о металлическую стенку, – бережно хранимые снимки людей, которые уже не могут постоять за себя. Все это так быстро выбрасывалось, так легко демонтировалось... Бренда исчезала на глазах – вскоре уже ничто не говорило о ее присутствии, все вновь стало таким, как было до нее. Будто кто-то положил в ее жизнь закладку и захлопнул книгу.

– Интересно, кто станет стирать пыль с моей фотографии, когда я умру? – сказала я вслух.

Было слышно, как Элси отложила нож и вилку.

– Чего это ты вдруг?

Я изучала двор за окном.

– Да вот гадаю, изменилось ли что-то в мире с моим присутствием.

– А это что, важно, Фло? – спросила Элси.

Сокровенные мысли вылетели шепотом:

– О да, еще как важно! Очень важно!

Когда я повернула голову, Элси мне улыбалась.

– Которая из них, в таком случае? – поинтересовалась я.

Розовая форма уже оставила нас с кексом «Таннок» и программой «Лайт». Элси настаивает, что шоу давно переименовали в «Радио-2», но она уже устала меня поправлять.

– Та, у которой бойфренд Дэрил и кислотный рефлюкс, – подсказала Элси. Мы смотрели, как очередная розовая форма поднимается по лестнице в корпусе напротив – розовый так и вспыхивал на фоне бежевых стен. – Она еще любит раздувать всякую мелочь, делать из мухи слона.

– А, которая ума палата? – уточнила я.

– Нет, – ответила Элси, помешивая чай. – Та в субботу. И в голубой форме. Маленькие уши. Запоминай, это важно.

– Почему вдруг это важно?

– Важно, Флоренс. Важно, и все. Меня может не оказаться рядом, так что нужно тебе самой не забывать.

– Я их вечно путаю, – пожаловалась я. – Их тут так много...

Их тут действительно много – целая «армия помощниц» мисс Биссель. Снуют по «Вишневному дереву», кормят нас, купают, водят шаркающих стариков с места на место, будто в карты играют. Некоторым жильцам требуется особый уход. Нам с Элси повезло, мы – первый уровень. Нас кормят и купают, но в остальном обычно оставляют справляться самих. Мисс Биссель говорит, что за первым уровнем она смотрит вполглаза (от этого кажется, будто за остальными она смотрит оставшимися полутора). Тех, кто тяжелее третьего уровня, из «Вишневого дерева» убирают как неудобных свидетелей чужой жизни. В основном отсюда переводят в «Зеленый берег», который и не зеленый, и не берег, а место, где люди ожидают встречи с Создателем в пронумерованных комнатах, громко зовя прошлое, будто оно может воскреснуть и спасти их.

– Интересно, какого уровня новенький, – сказала я вслух, глядя на двенадцатую квартиру.

– О, минимум второго, – заверила Элси. – А то и третьего. Ты же знаешь мужчин – они не очень живучи.

– Надеюсь, что не третьего – так мы его никогда не увидим.

– Да почему, во имя Господа, ты хочешь непременно его увидеть, Флоренс? – Элси отодвинулась на стуле, и ее кардиган слился со стоявшим сзади буфетом.

– А чтобы скоротать время, – отозвалась я. – Как с программой «Лайт».

Мы сидели у окна в моей квартире – Элси утверждает, что отсюда вид гораздо лучше, а мимо нас неторопливо шел день. Изредка что-нибудь происходило во дворе. Маясь от скуки, я всякий раз смотрю в окно. Это гениальное изобретение, не хуже заранее нарезанного хлеба. Куда интереснее телевизора. Садовники, уборщики, почтальоны. Никто ни на кого не обращает ни малейшего внимания. Столько отдельных жизней, и каждый спешит себе по своей, торопясь на ту сторону, хотя и неизвестно, что их там ждет.

Вряд ли женщина, которая раздавала нам печеную фасоль, что-нибудь кому-то передала, но вскоре за контейнером приехали, и я смотрела, как жизнь Бренды грузят в фургон и увозят. На дорожке не осталось и следа контейнера с вещами – вот уже кто-то прошел по тому месту, где он стоял. Жизнь продолжается, все идет своим чередом. Люди перебегают с места на место, спасаясь от дождя, персонал в форме ходит по лестницам, голуби убивают время, рассеявшись на желобе в ожидании момента улететь куда-нибудь еще. Кажется, будто отпечаток, оставленный Брендой (или Барбарой?), настолько неважен и незначителен, что бесследно растворился, едва ее не стало.

– Ты сегодня очень сентиментальна, Флоренс, – заметила Элси.

– Я просто высказываю свое мнение, – объявила я. – Мне теперь мало что позволяют, но высказывать мнение пока не запретили.

Я не сомневалась, что Элси улыбнулась, но точно вам не скажу, поскольку не поддаюсь искушению поглядеть на нее.

Я не сводила глаз с двенадцатой квартиры, но ничего интересного не происходило. Около трех часов пополудни мисс Биссель поднялась по общей лестнице с папкой в руке и сосредоточенной миной на лице.

- Мисс Биссель, – показала я пальцем.
- В самом деле, – подтвердила Элси.
- С папкой. Значит, оценивает его уровень.
- Похоже на то, – согласилась Элси.

Мы коротали день за чашками чая, но жидкий сентябрьский свет словно удлинял часы, растягивая их до самых краешков. Я всегда считала сентябрь странным месяцем: только и делаешь, что ждешь холодов и конца года и глядишь в небо, убеждаясь, что время все-таки движется. Лето давно закончилось, однако морозы еще не пришли, принося каток обледенелых тротуаров и колючее дыхание зимнего утра. Вместо этого нас словно поставили на паузу среди серых дорожек и неба цвета овсяной каши. Один день похож на другой. Часа в четыре я или Элси скажем, что ночи стали длиннее, а другая согласно закивает. Мы подсчитаем, сколько дней осталось до Рождества, и поговорим о том, как летит время, – этот разговор поможет убить еще немного времени.

Зимы в «Вишневом дереве» всегда тянутся долго. Наступающая зима будет моей пятой. Это называется отдельным проживанием на полном пансионе, но я никогда не могла толком уразуметь, от чего мы отделены. Мир по-прежнему рядом; он просачивается к нам через газеты и телевидение, долетает в обрывках чужих разговоров и в мелодиях мобильных телефонов. Это от нас отделились – упаковали и засунули подальше, спровадили с глаз долой. Я не раз задавалась вопросом: может, это мир от нас отделили?

- Правда, ночи стали заметно длиннее? – начала Элси.

Мы смотрели, как в квартирах напротив зажигаются огни. Ряды окон, пазл из людей, чужие вечера, просачивающиеся в сентябрьские сумерки. В это время дня можно заглянуть в разные жизни, увидеть дольку чужого житья-бытья, прежде чем люди отгородятся занавесками и станут тайной.

- Там кто-то поселился, – сказала я.

Основной персонал «Вишневого дерева» уже разошелся по домам – мисс Биссель в своем «Мини» давно промчалась под фонарями по шоссе и исчезла за поворотом, но в гостиной двенадцатой квартиры зажглась лампочка. Она мигала, как на киноплёнке, и я кадр за кадром видела, как по комнате идет мужчина. Немолодой, отметила я, но неверный свет не давал толком рассмотреть.

Я отчего-то почувствовала, что дыхание застревает в горле.

- Сколько еще дней до Рождества? – спросила Элси. – Хочешь, вместе посчитаем?
- Нет, – ответила я, – особо не хочется.
- Девяносто восемь, – похвасталась Элси. – Девяносто восемь!
- Да?

Я смотрела на незнакомца. Он был в шляпе и пальто и в основном стоял к нам спиной, но всякий раз, как мелькал хоть краешек его лица, мозг судорожно искал смысл в том, что видят глаза.

- Как странно, – прошептала я.

– Согласна. – Элси смахнула со скатерти крошки от кекса. – Прошное Рождество будто вчера было.

Человек ходил по комнате. В том, как он поднимал воротник и пожимал плечами, было нечто такое, от чего у меня сосало под ложечкой.

- Невероятно!
- Нет, все точно, девяносто восемь. Я сосчитала дни, пока ты зачем-то глазела на то окно.

Я нахмурилась:

– Девяносто восемь чего?

– Дней! До Рождества.

– Я не о том... – Я снова посмотрела на окно, однако лампочка окончательно перегорела, и незнакомец с поднятым воротником, пожимающий плечами, исчез.

– Мне показалось, я кое-кого узнала.

Элси вгляделась в темноту:

– Может, кто-нибудь из садовников?

– Нет, в двенадцатой квартире. – Я взглянула на подругу, но передумала и отвернулась. –

Обозналась, наверное.

– Уже темно, Флоренс, легко ошибиться.

– Наверное, – отозвалась я. – Я ошиблась.

Элси снова начала смахивать крошки. Я одернула рукава кардигана.

– Может, подбросить еще полено в огонь? – предложила я. – А то как-то холодно.

– Флоренс, тут же как в печке!

Я глядела в темноту. Окно двенадцатой квартиры смотрело на меня в ответ.

– У меня ощущение, будто кто-то прошелся по моей могиле².

– По твоей могиле?!

Нет, я наверняка обозналась. Иначе и быть не может.

– Это фигура речи, – сказала я, – только и всего.

Время дотащилося до середины вторника, когда я вновь увидела его.

Элси ушла на педикюр, а это всегда отнимает у нее много времени, потому что ее ногти сложно обработать. Одна из уборщиц вытирала пыль в моей квартире. Я не сводила с нее глаз, потому что люди гораздо тщательнее выполняют свои обязанности, когда за ними присматриваешь. Вроде бы горничные признательны, когда я указываю им на огрехи.

«Что бы мы без вас делали, мисс Клэйборн», – говорят они.

Сегодняшняя уборщица на редкость небрежна. Плоскостопие, маленькие кисти рук, кольца в носу, губах, бровях – везде, кроме ушей.

За окнами туман. Такой туман оглушает небо до самого горизонта и не пропускает дневного света, но я сразу разглядела незнакомца через окно. Он сидел на одной из скамеек посреди двора, глядя на двенадцатую квартиру. На нем были вчерашняя шляпа и серое пальто, хотя узнала я его не по этому, а по манере теревить воротник, носить мягкую фетровую шляпу – вообще по внешности. Знакомых замечаешь даже в толпе – что-то в человеке прямо-таки бросается в глаза.

Я хотела показать его уборщице с кольцами – мне хотелось убедиться, что она его тоже видит. Вы же наверняка слышали, что с возрастом мозг начинает придумывать всякое из ниоткуда и изобретать невообразимую чепуху. Но девица что-то бормотала себе под нос, возя тряпкой по каминной полке, а у меня испытательный срок. Мисс Амброуз не стала углубляться в подробности, но я не сомневалась – галлюцинаций она не одобрит.

Когда я снова повернула голову к окну, новый жилец по-прежнему сидел посреди двора, только положил локти на спинку скамьи, как всегда делал. Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица. Мне захотелось побарабанить по стеклу, чтобы он обернулся, но я не могла.

– Мисс Клэйборн! Мисс Клэйборн, теперь все в порядке?

Я осталась стоять неподвижно.

– Нет, не все, – ответила я. – Все настолько далеко от порядка, насколько только может быть!

² Английская поговорка, означающая, что говорящему стало не по себе.

– Но я уже дважды вытерла каминную полку! Если я снова начну ее вытирать, то опоздаю к следующему человеку.

Девушка встала перед телевизором с флаконом чистящего средства. Кольца на ее лице напоминали восклицательные знаки.

– Я не о каминной полке, – сказала я. – Вон, Ронни Батлер сидит на скамейке. Вы его видите?

Иногда слова сами вылетают из рта. Еще не договорив, уже понимаешь – зря, но поздно, остается только дослушать себя.

– Кто такой Ронни Батлер? – спросила девица. От любопытства кольца образовали на ее лице новый узор.

– Кое-кто из давнего прошлого. Я его когда-то знала.

Я одернула занавеску, хотя она висела идеально прямо.

Девица начала собирать свои флаконы, тряпки и фланельки и складывать в маленькую розовую корзинку.

– Это же хорошо! Сможете наверстать упущенное.

Я взглянула на двор. Ронни встал и пошел по дорожке, ведущей к главным воротам.

– Нет, – произнесла я, – в этом нет ничего хорошего.

– Но отчего же?

Я не стала торопиться с ответом. Подождала, пока наполнится розовая корзинка, пока послышится щелчок закрывшейся двери и шарканье плоских стоп по коридору. Я выждала время, прежде чем ответить на вопрос. Слова отчего-то прозвучали шепотом:

– Потому что Ронни Батлер утонул в пятьдесят третьем году.

– У тебя когда-нибудь было, чтобы ты видела то, чего нет?

Элси вернулась от педикюриши и сейчас восхищалась ее мастерством, разглядывая пальцы ног через колготки.

– О, да постоянно! – отозвалась она.

– Да?

Элси пошевелила пальцами, суставы захрустели в 30-деновой темнице.

– Мне казалось, что идет дождь, а когда я выходила, оказывалось, дождя нет. А еще мне часто казалось, что молока в холодильнике больше, чем на самом деле.

– Нет, я про другое. Тебе когда-нибудь люди мерещились?

Элси перестала шевелить пальцами и подняла голову.

– Станный вопрос. Пожалуй, нет, – сказала она. – С другой стороны, разве это можно проверить?

Я не отходила от окна с той самой минуты, как увидела Ронни – или решила, что я его вижу. Я смотрела, как расходится по корпусам персонал, как посетителям приходится с черепашной скоростью шаркать по дорожкам, прогуливая престарелых родственников, но незнакомца я больше не видела. В двенадцатой квартире было тихо и пусто, на скамье тоже никого. Может, я его придумала? Может, разум начинает уходить по мосту между настоящим и прошлым, не заботясь о том, чтобы вернуться?

Элси пристально смотрела на меня:

– А кто конкретно тебе привиделся?

– Никто. – Я начала выравнивать безделушки на тумбочке. – Надо сходить в оптику, пора очки поменять.

– Ты их совсем недавно меняла, – возразила Элси. – Почему ты все время берешь вещи и кладешь их точно так, как они лежали?

Не поправив открытку с видом Брайтона, я повернулась к Элси. Все ее беспокойство легко уместилось бы в спичечный коробок.

- Ты никого не видела, пока шла сюда? – спросила я.
- Да вроде нет, – нахмурилась Элси. – А что? Кого ты видела?
- Мисс Биссель, – ответила я. – Человека, который приносит почту.
- Почтальона?

Я кивнула.

– И странную маленькую женщину из четвертой квартиры. Круглолицую, которая всегда молчит и не любит ступенек.

- Миссис Ханимен?

– Да, вроде, – согласилась я. – И еще я видела Дору Данлоп. На этот раз не в ночной рубашке, а полностью одетую.

Элси приподняла брови:

- Знаешь, ее ведь отправляют в «Зеленый берег». Я подслушала разговор.

Я почувствовала, как изнутри на глаза давит чем-то горячим.

- Она там не приживется, – прошептала я.

Элси не ответила, но мне показалось, что я уловила легкое пожатие плеч.

- То есть никого интересного ты не видела? – подытожила я.

- Нет.

Я отпила чая.

- Давай уже говори, Флоренс!

– Мне показалось, я увидела человека, которого когда-то знала, – сказала я в чашку. – Вот только не могу вспомнить, как его зовут.

- Интересно, кто же это может быть? Одноклассник? Или с фабрики кто?

Я сделала еще глоток чая.

- Не уверена. Не могу вспомнить.

– Ничего, я вспомню. – Через окно Элси оглядела пустой двор. – Я всегда лучше тебя запоминала лица.

Кроме Элси, у меня уже никого не осталось. Только она поймет, если мой разум окончательно загулялся, бросив меня на произвол судьбы. Шестьдесят лет назад мы хорошенько упаковали прошлое и убрали подальше, пообещав себе, что никогда не будем о нем говорить. Теперь мы состарились и стали другими. Казалось, все, что мы тогда пережили, случилось с кем-то еще, а мы просто стоим и смотрим на это из будущего.

Элси пристально вглядывалась в темноту:

- Надеюсь, я тоже его увижу.

- И я, – буркнула я в чашку.

17:06

Под тумбочкой скопился мелкий мусор.

Поразительно, сколько всего падает за мебель, стоит отвернуться. Я бы в жизни не заметила, если бы не лежала тут, но сейчас я лежу и не могу отвести глаз. Все-таки не умеют наводить чистоту здешние уборщицы. Заткнут уши наушниками и пшикают везде аэрозолями. Некоторые даже телевизор включают и под него работают, не спрашивая разрешения. Я наблюдаю из угла и указываю места, которые они пропустили, а уборщицы косятся и пылесосят вокруг моих ног.

«Пусть убирают, – увещевает меня Элси. – Наслаждайся ролью состоятельной неработающей дамы, Флоренс!»

Но это не в моем характере – не работать. Элси любит отдохнуть, а я всегда была непоседой. Вот почему мы так хорошо ладим.

Иногда одну и ту же уборщицу видишь дважды. Вот в четверг приходит девушка. Или во вторник. Точно знаю – не то в четверг, не то во вторник. Темноволосая и голубоглазая. Одной рукой держит трубу пылесоса, а другой прижимает к уху телефон и вечно в него смеется. Приятный смех. К такому хочется присоединиться, только вот я не понимаю ни слова из того, что она говорит. Мне кажется, она немка. Когда я ходила в магазин рядом с главным входом, у них была там коробка с песочным печеньем. Снизу написано: «Сделано в Германии». Я купила печенье, решив, что оно напомнит девушке о доме. Можно выпить с ней чая, подумала я, растопить лед, познакомиться. Я предложила ей чай, но немка увлеченно разговаривала по телефону и оглушительно хлопнула дверью, не дав мне закончить фразу. Наверное, спешила. В этом-то и беда: здесь все спешат. Но можно попробовать выпить чаю в другой раз, когда я оправлюсь после этого падения. Печенью ничего не сделается, оно так и лежит в непечатающей коробке.

Может, эта немка меня и найдет – и сразу забудет о телефоне. Он выпадет на пол, но она и не взглянет на него, а опустится на колени на ковер и наклонится надо мной, волосы закроют лицо, и ей придется заправлять их за уши. Ее руки будут теплыми и добрыми, а пальцы слегка сожмут мои.

«Что с вами, Флоренс? Что вы с собой учудили?»

«Не волнуйся, я поправлюсь, – скажу я. – Не переживай из-за меня».

Мыждемся «Скорой». Немка станет расспрашивать, как это я упала, а я буду мямлить и прятать глаза. Я пока не знаю, что сказать. Помню, как диктор новостей улыбнулась мне и зашелестела своими листками, помню тишину после того, как я выключила телевизор. Когда живешь одна, тишина становится особенной: она обступает и ждет, пока ты ее заметишь. Я пытаюсь замаскировать ее разными звуками, но рано или поздно она всегда возвращается. Или просто тишину слышишь другими ушами? Кажется, я слышу шум. Или голос? Непонятно, почему я вообще упала. Единственное, что помню, – как открыла глаза уже на полу, где мне быть не полагается.

Войдут санитары «Скорой помощи», и горничная встретит их с облегчением, беспокойство исчезнет из ее глаз, потому что при виде белых халатов всегда оживает надежда – все будет хорошо. Разумеется, так выходит не всегда – я-то знаю получше многих других. Один из санитаров отодвинет мебель, второй наденет мне на лицо маленькую кислородную маску. Резинки будут соскакивать с ушей, и медики засуетятся. Меня пристегнут к каталке, накроют синим одеялом, и немка в сотый раз спросит:

«Как вы, Флоренс? Вам еще что-нибудь нужно?»

На улице холод будет пощипывать нос и уши, а глаза начнут слезиться.

«Скоро мы вас довезем, Фло, держитесь, Фло», – будут повторять санитары, и я не стану возмущаться их фамильярностью, потому что у них добрые глаза.

Они поднимут меня и понесут по ступенькам крыльца, и в это мгновение я увижу наши корпуса, тонущие в жидких чернилах ночи, и огоньки жизней других людей, и мне покажется, что я лечу.

И я почувствую себя легкой, как перышко.

Флоренс

В пятницу играли в бинго. Элси заставила меня пойти под предлогом, что мне полезно, но я знала – это только потому, что в прошлый раз никто не выиграл, и вручение приза перенесли.

– У тебя всего месяц, чтобы создать хорошее впечатление, – без обиняков заявила подруга. На мой взгляд, безо всякой необходимости. – Отчего бы не начать сегодня?

Вот так мы и оказались в углу общей гостиной, глядя, как вокруг все силятся расслышать номера. Жильцы сидели, положив ноги на пуфики, с широко раскрытыми ртами глядя

на картонки с номерами и гадая, что полагается делать. Мисс Биссель нигде не было видно; вынимать шарики от пинг-понга досталось ее заместительнице.

Мисс Амброуз подняла шарик.

– Двадцать два! – прокричала она.

Все закричали.

– Простите? – не поняла мисс Амброуз.

– Уточки! – крикнул кто-то.

Мисс Амброуз подняла новый шарик:

– Номер одиннадцать!

Естественно, все засвистели.

Мисс Амброуз поглядела на шарик:

– Что это значит?

– Это язык старости, – не утерпела я. – Вроде «кладовки» и «радиолы».

– И как прикажете на нем разговаривать? – Мисс Амброуз затеребила сережку. – Мне-то всего тридцать с небольшим!

Все уставились на мисс Амброуз, и я уже открыла рот, но Элси многозначительно поглядела на меня, приподняв бровь.

– Не успеете оглянуться, как научитесь, – сказала я, передумав. – Это как проснуться в другой стране.

Мисс Амброуз вытянула новый шарик для пинг-понга. На этот раз попалась двойка.

– Полагаю, это одна уточка? – уточнила она.

– Видите, вы уже совсем освоились!

Мисс Амброуз бросила теребить сережку и кашлянула.

Мы не просидели и десяти минут, а мысли начали разбредаться. Я ничего не могу с собой поделать – они очень часто уходят гулять без меня и, прежде чем я спохвачусь, уже убегают на несколько миль. Не могу точно сказать, когда это началось. Элси предлагает думать о мыслях как о бабочках, но я не могу подавить беспокойство. Я никогда раньше такой не была. Ведь если ты не хозяйка своей голове, то чему ты вообще хозяйка? Мисс Амброуз говорит, это бывает не только с пожилыми, а еще и от депрессии. Видно, подчас жизнь невыносимо горька, и единственная часть тебя, которой удастся сбежать от реальности, – это разум.

Так всякий раз и происходит в этой дурацкой общей гостиной. Я смотрела через окно на парковку, гадая, почему серебристые машины так популярны, ведь на них вся грязь видна, и тут увидела Дору Данлоп, для разнообразия полностью одетую. Ее окружала пара представителей администрации, а у ног стоял чемодан и три хозяйственные сумки. Можно было видеть, как сверху торчат кусочки ее жизни: вязанье, шлепанцы, мятый край журнала...

– Вы меня не заставите! – кричала она. Ее голос ворвался в гостиную через открытое окно. – Я не обязана вам подчиняться!

Сопровождающие сосредоточенно разглядывали небо, землю и все, что попадало в поле зрения, только не Дору Данлоп.

– Вы не имеете права меня принуждать!

Многие подняли головы от своих карточек бинго. Мисс Амброуз дотянулась и закрыла окно. Когда она задвигала шпингалет, мне показалось, что я поймала на себе ее взгляд.

Голос Доры больше не доносился. Крошечная серая фигурка посреди парковки, переполняемая никому не слышными криком и отчаянием.

Я подтолкнула Элси:

– Ее увозят в «Зеленый берег». Вон, на парковке!

– Не отвлекай меня, – отмахнулась Элси. – Еще одно число, и мы закончим строчку!

– Но она испугана! Надо пойти помочь, вступить за нее...

Я обернулась к окну, однако парковка уже опустела. Дора Данлоп и ее хозяйственные сумки исчезли.

– Она уехала. – Я оглянулась на Элси.

Элси смотрела на меня.

Когда мы покончили с бинго, в котором никто не выиграл, и все по очереди сходили в туалет, помощница принесла всем сэндвичей с яйцом – комнатной температуры, слишком много кресс-салата и недостаточно майонеза. Элси пропала в дамской комнате, и я раздумывала, не съесть ли и ее бутерброд, чтобы спасти от разочарования, но тут мисс Амброуз вышла на середину комнаты и очень громко хлопнула в ладоши. Очень неуместно, если хотите знать мое мнение, потому что единственное, что всем в ту минуту хотелось слышать, это как зубы входят в ломоть хлеба с маслом.

– У меня новости, – начала она. Волна румянца поднялась из-под яркой блузки и пятнами расцветила лицо. – У нас на этой неделе появился новый жилец.

В этот самый момент я как раз пыталась проглотить яйца с хлебом, но от ее слов еда застряла в горле. Все подняли головы от тарелок, а в дальнем углу две женщины зааплодировали, вызвав слабую волну жидких аплодисментов. Единственной, кто не отреагировал, была миссис Ханимен, тихо похрапывавшая над тарелкой хлеба.

– Как вам известно, мы в «Вишневом дереве» особенно тепло встречаем новеньких. – Мисс Амброуз прижала руки к груди с самым сердечным видом. – И я уверена, что все вы присоединитесь ко мне и искренне поприветствуете нашего нового друга и соседа!

Я и не догадывалась, что новенький тоже здесь. Стоял у доски объявлений и вышел вперед.

За последние годы я привыкла не доверять зрению – даже в очках не всегда готова поверить тому, что вижу, но на этот раз сомнений не было. Точнее некуда.

Это он!

Ронни Батлер.

Я сразу поняла. В мире осталось не так много вещей, в которых я уверена, но это одна из них. Он, конечно, постарел, уже не такой самоуверенный, довольно потрепанный, однако подобные мелочи, по большому счету, не меняют человека. Это мелочи. Что не изменилось, так это глаза. Улыбка. То, как он смотрел из противоположного угла гостиной, будто и не исчезал.

За свою жизнь я неоднократно испытывала страх. Он охватывал меня всякий раз, когда я сидела одна в темноте и осмеливалась потянуть прошлое за уголок. Я замирала от страха много лет, стоило рядом случайно прозвучать его имени. Странно, до этого дня меня пугало его отсутствие, но сейчас, когда он стоял меньше чем в десяти футах, я узнала настоящий ужас, с которым ничто не сравнится. У меня будто вынимали сердце из груди.

Потому что он вернулся.

Он меня нашел.

– Счастливый, довольный коллектив... – Голос мисс Амброуз доносился будто откуда-то издалека.

Ронни выглядел совершенно прежним. Некоторые в старости исчезают, когда прошлая и нынешняя ипостась – совершенно разные люди, но морщины Ронни только подчеркивали его суть. Даже шрам был на месте – крохотная отметина в уголке рта, всякий раз исчезающая при улыбке.

– Надежная гавань на закате лет... – говорила мисс Амброуз.

Закат лет? Что за странное выражение! Закат означает конец, финал, скорое наступление темноты. Отчего-то меня не покидало ощущение, что Ронни ожидал меня здесь найти. Его манера держаться, так он выглядел и на фабричном дворе, и в автобусе, и за кухонным столом,

сидя напротив. Раз увидишь этот взгляд и этот вид – и уже не забудешь, даже спустя целую жизнь.

– ...поэтому, пожалуйста, поприветствуйте нового жильца двенадцатой квартиры – мистера Габриэля Прайса!

В полной тишине прошло полсекунды, и я услышала свой собственный голос:

– Как Габриэля Прайса?!

Все сдерживаемое дыхание вырвалось с этим возгласом. Скрипнула ножка какого-то стула, кто-то подался вперед, посмотреть. Мисс Амброуз наклонила голову и уставилась на меня.

– К вашим услугам, – Ронни Батлер тронул край мягкой фетровой шляпы.

Он шагнул навстречу, спинка стула врезалась в мои старые кости. Я вновь почувствовала запах той ночи, когда он умер. Я почти могла дотянуться через все эти годы, взять ту ночь руками и унести с собой из комнаты. Пульс бился в горле с такой силой, что я не могла понять, как другие его не слышат.

Ронни взглянул мне прямо в глаза и улыбнулся, и маленький шрам в уголке рта исчез.

Как по волшебству.

– Мы что, уходим?

Я дождалась Элси у дамской комнаты и, едва она вышла, подхватила ее под локоть.

– Уходим, – подтвердила я.

– Давай подождем? Я настроилась на мандариновые дольки...

– Я тебе дома открою целую банку.

– Но как же лотерея? На эту неделю перенесен приз с прошлого раза!

– У меня в нижнем шкафчике коробка печенья, можешь его съесть.

– Дорога не победа, а спортивный азарт, – возразила Элси.

– Слушай, я очень хочу отсюда выбраться.

На дорожке, которая шла по задворкам жилых корпусов, я отпустила руку Элси. Здесь мало кто ходил – по краям скопились желтые листья, и трава, казалось, забыла, что надо расти. Большинство людей предпочитали парадные аллеи с их бордюрчиками и возможностью скоротать время – старики любят компанию. Но я предпочитаю эту тропку. Забытая тропинка, которая может привести к решению проблемы.

В глазах Элси читалось замешательство.

– Фло, что происходит, черт побери?

– Ничего. Ничего не происходит. С чего ты взяла?

Элси опустила взгляд:

– Потому что у тебя руки дрожат.

Мисс Амброуз

– Совсем с катушек съехала, если хотите мое мнение!

Его мнение никого не интересовало, однако диалог для Хэнди Саймона был необязательным условием. Он считал, что мир нуждается в постоянных комментариях, так что он по своей инициативе влезал с объяснениями на случай, если они кому-нибудь пригодятся.

– Хм? – Антея Амброуз разглядывала себя в карманном зеркальце, купленном за способность все увеличивать в десять раз. О покупке она уже пожалела, но отвести взгляд не могла, как невозможно не смотреть на аварию на соседней полосе дороги.

– Вскидывать и так орать! – Хэнди Саймон поволок стол по полу на его законное место. Забытое блюдо сэндвичей с яйцом задрезбездзало на всю опустевшую гостиную. – Как, бишь, ее там...

Мисс Амброуз со щелчком сложила зеркальце, скрывая волнение.

– Флоренс, – подсказала она, – мисс Клэйборн. Боюсь, отправка в «Зеленый берег» для нее всего лишь вопрос времени.

– И как вы их различаете?

Мисс Амброуз бросила зеркальце в сумочку.

– Это моя работа.

Хэнди Саймон взял сэндвич с яйцом и отправил в рот.

– Их тут так много, и все похожи одна на другую, – проговорил он, не прекращая жевать. – Если вы не против, я выскочу на улицу, почищу трубы, иначе возникнет затор...

Было время, когда мисс Амброуз задумалась о достоинствах Хэнди Саймона. В конце концов, кроссовки можно вымыть, а волосы подстричь, как показывают в телешоу. Люди покупают новую одежду, делают пробор с другой стороны – и неожиданно преобразаются. Тогда мисс Амброуз еще всматривалась в горизонт на предмет потенциального мужа, как потерпевший кораблекрушение ждет спасительного корабля.

– ...который помешает эффективному стоку дождевой воды. – Саймон взял еще сэндвич. – Что может привести к необратимым повреждениям...

Впрочем, на некоторые корабли садиться все-таки не стоит.

– ...и потенциальной угрозе для строений, если срочно не заняться ситуацией.

Иначе тебе всю оставшуюся жизнь будут разжевывать каждую мелочь.

Антея Амброуз направлялась в свою квартиру в дальнем углу пансионата. Она жила отдельно от престарелых, но в ее квартире был точно такой же бежевый палас (мисс Биссель считала бежевый универсальным цветом, который со всем сочетается), и дверь закрывалась с таким же слабым извиняющимся щелчком. Вид из окон точно такой же, и сами окна открывались лишь на крошечную щелочку (опасение, что жильцы станут выбрасываться из окон, распространялось, видимо, и на персонал). Квартира была служебная и предоставлялась вместе с должностью, на которой мисс Амброуз планировала задержаться не дольше года. Она отправляла резюме и в другие компании, и даже один раз ее позвали на собеседование, но в тот день новая старушка решила сбежать еще в пути прямо на светофоре. Антея долго успокаивала бедную женщину и никуда не смогла пойти. А ей даже не перезвонили.

Мисс Амброуз никогда не ходила быстро – не то стыдись энергично передвигаться в царстве тростей и ходунков, или же старость понемногу пропитывала ее тело, уговаривая присоединиться. Антея не собиралась работать с престарелыми – она мечтала стать стюардессой или пойти в крупное издательство, заняться чем-то гламурным, где можно ходить легко и стремительно. Но жизнь оказалась сродни глубинному течению: как ни старалась Антея бороться и своевольничать, та увлекала ее за собой. Куда проще, думала мисс Амброуз, было бы знать с самого начала, какие у Вселенной на тебя планы. Сколько бы сил это сберегло! Вместо бесцельного барахтанья можно было бы уверенно плыть к своей цели, игнорируя искушения, отвлекающие моменты – и других пловцов, которые борются с приливом.

На территории было тихо. Мисс Амброуз прошла мимо скамеек и пустой беседки, бросив взгляд на японский садик. Она целую вечность убеждала мисс Биссель, что это стоящая идея. Она прочла в журнале, что японские сады якобы помогают обрести внутренний покой и склоняют к внутреннему созерцанию, но мисс Биссель возражала, что неразумно поощрять здешних обитателей углубляться в себя, в их-то возрасте.

Вообще-то, мисс Биссель сказала только: «Я так не думаю, Антея», и мисс Амброуз потратила массу сил, чтобы хотя бы затеять дискуссию. Она редко спорила с мисс Биссель, но в этом случае настаивала на своем несколько месяцев, и начальница в конце концов сдалась. Правда, от фонариков пришлось отказаться из-за мотыльков. Мисс Амброуз гадала, заходит ли кто в этот сад или он просто служит гигантским японским памятником тем временам, когда

ей казалось, что она сможет что-то изменить. Сейчас в саду, конечно, никого не было – в это время дня в «Вишневом дереве» безлюдно. Жильцы дремлют перед своими радиолами и чашками остывшего чая. Здесь привыкли спать на ходу, и было очень привлекательным поддерживать традицию. Каждый день мисс Амброуз боролась с собой: борьба шла между отрицанием и принятием. Принятием того факта, что хотя в ее квартире и нет поручней, но на стене сколько угодно места, чтобы их привинтить.

Свернув за угол, мисс Амброуз увидела Габриэля Прайса. Он сидел на самой последней скамейке у ее двери под серым и тонким, как бумажный лист, небом, вольготно откинувшись на спинку скамьи. Мисс Амброуз не ожидала увидеть человека, бодрствующего в такой час, и у нее вырвался возглас удивления. Подойдя поближе, она разглядела улыбку на лице нового жильца, но Антея уже начала понимать, что с Габриэлем Прайсом ни в чем нельзя быть уверенной.

– Мисс Амброуз!

– О, зовите меня Антея, мистер Прайс!

Он промолчал, но мисс Амброуз решила не отступать:

– Удивлена увидеть вас на прогулке. Большинство наших жильцов в это время отдыхают.

– Я не верю в пользу отдыха, мисс Амброуз. Для праздных рук дьявол всегда найдет занятие, согласны?

Мисс Амброуз затеребила застежку серги.

– Хотя откуда вам это знать, конечно. Крутиться тут круглые сутки... Могу себе представить.

– Ну, я бы не сказала. Я...

– Вы прекрасно справляетесь. Взять хотя бы, как вы разрулили маленькую неловкость в общей гостиной.

– С мисс Клэйборн? Ну, разве что...

Прайс снова улыбнулся.

– Они ведь становятся такими странными, эти престарелые. – Он говорил будто о первобытном племени, за которым наблюдал со стороны. – Легко путаются, бестолковые...

Мисс Амброуз хотела понимающе кивнуть, но отвлеклась, когда Прайс непринужденно вытянул руки по спинке скамьи. Свет падал так, что морщины на его лице исчезли, а седина в волосах стала незаметной.

– Сколько, говорите, вам лет, мистер Прайс?

– А я вам этого не говорил, мисс Амброуз. – Он поправил мягкую фетровую шляпу и поднялся со скамьи так легко, будто кто-то ему помог. – Я еще не готов к «Умирающему свету»³...

– О нет, конечно нет...

– Но молодая женщина вроде вас не может ничего об этом знать.

Щеки мисс Амброуз запылали. На языке теснилось слишком много слов, но, пока она складывала из них предложение, Прайс уже скрылся за углом.

– Как необычно, – вырвалось у нее.

Мисс Амброуз дошла наконец до своей квартиры и, только повернув ключ, услышав извиняющийся щелчок закрывшейся двери и ощутив под ногами бежевый палас, поняла, что двигалась быстрее обыкновенного и с большей, чем обычно, горячностью.

³ Фильм Пола Шредера, где главный герой страдает старческой деменцией.

Флоренс

Я ждала. Пока пальто окажутся на вешалке, чайник будет включен, а консервированные фрукты выложены в креманки и утоплены в «Идеальном молоке». Я ждала, пока Элси сосредоточенно ела апельсиновые дольки большой ложкой. Я переждала все это, прежде чем заговорить:

– Мне нужно кое-кого с тобой обсудить. Кое-кого из прошлого.

Элси стала жевать медленнее.

Иногда поделиться проблемой означает ее усугубить. Произнесенные вслух, слова обретают такую силу, которой у них не было, пока они сидели у тебя в голове. Если что-то сдерживать достаточно долго, не давая вырваться, то в конце концов начинает казаться, будто этого никогда и не было. Но едва я сказала Элси, едва я выпустила проблему на свет, у меня возникло чувство, что я потеряла право собственности на мое беспокойство и уже не смогу его заглушить.

– Человека, которого я видела, – проговорила я.

– Кого? – отложив ложку на край тарелки, Элси превратилась в слух.

Мне пришлось силой выдавливать из себя слова. Мне нужно выгнать их из себя.

– Ронни, – сказала я наконец.

Я смотрела на лицо Элси. На нем не отразилось ни малейшей реакции.

– Ронни Батлера, – пояснила я.

Секунду Элси глядела на меня круглыми глазами, а затем улыбнулась:

– Глупышка, как ты могла его видеть? Он же мертвее мертвого, Ронни! Его похоронили.

Ты что, не помнишь?

Она снова взялась за ложку, но я придержала ее руку.

– Нет. Он здесь, я его видела.

– Как ты могла видеть того, кто уже шесть десятков лет как мертв? Ты обозналась!

– Это он! – Я ударила рукой по столу. Креманка задребезжала. Элси вздрогнула. – Он вернулся за мной!

Элси заговорила снова, на этот раз шепотом:

– Он мертв, Флоренс. Никто ни за кем не вернулся.

– Тогда кого я видела?

– Кого-то похожего. Говорят, у каждого из нас есть двойник. Ну, ошиблась ты. Ничего, бывает.

Я подошла к окну и стала слушать шелестящую листвой тишину двора.

– Я наверняка ошиблась. Это не может быть Ронни. Спустила столько-то времени.

Элси умеет распускать узел моего беспокойства, и волнение утихает. Это вторая вещь, которую вам следует знать об Элси. Она всегда может найти слова, чтобы мне стало лучше.

– Конечно, Флоренс. Так не бывает, мертвые не возвращаются.

– Ты права, не возвращаются. Давай забудем, что я сказала.

– Ну вот и прекрасно, потому что, если мисс Амброуз услышит, что ты несешь, ты здесь и двух недель не пробудешь, не то что месяц.

Я потянулась за журналом, взглянула на каминную полку.

Слоник.

Он снова был повернут неправильно.

– Да не переживай ты так, – убеждала меня Элси. – Ты снова ошиблась, вот и все!

В этом вся Элси. Вечно твердит мне, что я волнуюсь по пустякам, и настаивает, чтобы я не тратила нервы. Я знаю Элси с детства, мы познакомились в школьном автобусе. В автобусе!

Интересно, много ли людей знакомятся теперь в общественном транспорте? Понятия не имею, но рискну предположить, что мало. Люди сейчас направляют всю свою энергию на то, чтобы друг друга игнорировать.

Элси не поверила мне насчет слоника, как и насчет Ронни. Я это чувствовала.

– Опять ты поддаешься своим странностям. Перестань забегать вперед и всюду искать катастрофы!

Я притворилась, что согласна – чтобы не ссориться. Я даже перестала высматривать Ронни и отошла от окна, но то и дело невольно туда поглядывала. Несколько раз перехватив мой взгляд, Элси выразительно на меня посмотрела.

– Ты вот точно такой же еще в школе была. «Тебе не кажется, что этой девочке плохо? Что нам делать?» или «Я слышала, отец Нормана его колотит. Кому сказать, как думаешь?».

Я не ответила, лишь подвинулась ближе к окну.

– И чего ты так пеклась о других? – продолжала Элси. – Норман мог и сам за себя постоять.

– Не мог он. – Обернулась к ней. – Норман был тощий хилак, за него некому было заступиться. Он говорил, что хочет убежать в Лондон. В Лондоне он бы совсем пропал.

– Это было очень давно.

– А кажется, будто вчера, – парировала я. – Иногда я начинаю думать, что между прошлым и настоящим есть короткий путь, но никто о нем не рассказывает, пока не состаришься.

– Ты столько времени тратила на других людей, что на себя едва хватало!

Я снова смотрела в окно, но слышала, как пальцы Элси барабанят по скатерти, в такт ее мыслям.

– Помнишь, мы ведь так и познакомились. Ты совершила очередной правильный поступок. – Элси подалась вперед и заслонила мне обзор.

– У меня сейчас голова другим занята, – отмахнулась я.

– Девчонка с подвернутой ногой. – Элси нарочно еще подалась вперед. – Ты уступила ей свое место в школьном автобусе!

Я перехватила ее взгляд на мои руки. Лежа на коленях, кисти непроизвольно сжимались в кулаки. Иногда я не сознаю, что делаю, пока мне не укажут.

– Не помню никакой девочки с больной ногой, – нетерпеливо ответила я. – Ты меня с кем-то путаешь.

– Да ты это была, Флоренс! Она кое-как поднялась в автобус, и никто ей места не уступил, кроме тебя. Через несколько остановок ты села рядом со мной. Так мы и познакомились.

– Ты придумываешь. – Я плотно сжала губы, чувствуя, как мелкие морщинки сшивают их вместе.

– Не придумываю! Помнишь долгую секунду?

Я успокоила руки.

– Какую еще долгую секунду?

Элси рассказала. Правда, не преминув напомнить, что объясняла это уже много раз, а я вечно забываю. Иногда время будто замедляется, словно ты ловишь и не отпускаешь какую-нибудь секунду, чтобы она продлилась немного дольше, чем должна. В такие мгновения мир дает нам чуть больше времени, чтобы принять правильное решение. Долгих секунд вокруг очень много, мы их просто не замечаем.

– Но ту секунду ты уловила, Флоренс. Ты приняла решение, уступив свое место, и в итоге мы познакомились.

– Я совсем не помню жизни до тебя, – призналась я.

– Мы были как раз в том возрасте, когда ты начала обращать внимание на других ребят и выбирать, с кем дружить. Я выбрала тебя задолго до того, – улыбнулась Элси. – В тебе уже

тогда чувствовалась доброта. Будто кто-то собрал всю доброту, от которой отказались другие или у кого она лежала мертвым грузом, сгреб в кучку и затолкал в тебя, чтоб целее было.

Я попыталась нащупать воспоминание и притянуть его, как на резинке, но оно казалось страшно далеким, а растянутая от времени резинка совсем ослабла.

Элси поймала мой взгляд:

– Постарайся вспомнить. Тебе необходимо отыскать события прошлого, Флоренс. Это важно!

– Да?

– Мы еще смеялись, потому что место, которое ты уступила, было рядом с мальчиком-скаутом, и он всю поездку зудел на ухо той девчонке, как оказывать первую помощь. А она ловила каждое его слово. Вот не вспомню, как ее звали... Смуглая брюнетка, у ее родителей был обувной магазин на центральной улице.

Я почувствовала, как резинка натягивается.

– Они эмигрировали, их семья. – Я выговаривала слова очень медленно на случай, если они окажутся не теми. – В Австралию!

– Да! – Элси мной довольна. Я всегда вижу, когда она довольна, потому что у нее начинают по-особому блестеть глаза. – Но девчонка осталась здесь, не поехала с ними.

– Мужчина обрабатывает землю, женщина налаживает быт. Гарантированное трудоустройство. За все про все десять фунтов. Новая жизнь за десять фунтов.

Я повернулась спиной к окну.

– Ронни Батлер тоже был в том автобусе, – сказала я.

Хэнди Саймон

Хэнди Саймон носил на шее образок св. Христофора⁴, хотя в жизни не ездил дальше Саттон Колдфилда. Образок ему подарил отец, когда Саймону исполнилось восемнадцать, и снимал он его только однажды, когда в девяносто пятом ему вырезали аппендицит.

– Он тебя защитит, – обещал отец, – от всякого вреда.

Так оно и вышло. Может, ему и правда все двадцать пять лет покровительствовал святой Христофор, а может, Саймон просто от природы был осторожен. Сейчас он теребил медальон, глядя на водосточный желоб. Предстояло всего лишь забраться по стремянке, но принципиально это ничего не меняло.

Хэнди Саймон не любил высоту. Все плохое с ним случалось, когда ноги не стояли на земле. Даже его мать погибла в самолете – инфаркт на высоте тридцать тысяч футов во время возвращения из Испании. («Ну, хоть домой летела», – заметил отец за ужином из холодной телятины.) Это был первый отпуск родителей за границей. Саймон часто думал – выбери они английский Маргит, а не Малагу, может, мать осталась бы жива. С другой стороны, она слишком любила сладкий шерри и не имела привычки скромничать за столом, так что весьма вероятно, что и нет. Когда у тебя такие пожилые родители, ты рискуешь потерять их прежде, чем вы успеете толком узнать друг друга.

– А я был запланированным? – спросил он однажды у матери.

– Ты был сюрпризом, – ответила она. – Чудом.

– Как Иисус?

– Ну, не совсем, – засмеялась мать.

Хэнди Саймон попинал первую перекладину. Работа в «Вишневом дереве» требовала лазанья по стремянкам намного больше разумного. Однажды он произнес слова «здоровье и безопасность» в разговоре с мисс Биссель в ее кабинете, но она лишь молча изогнула бровь и

⁴ Св. Христофор почитается в католической церкви как покровитель путешественников.

вернулась к sudoku. Саймон считал это главной проблемой современности: люди разучились слушать. Они поглощены звуком собственного голоса и не замечают Саймона, лишаясь, таким образом, бездны полезной информации. Не анекдотов и баек, а статистики и доказательств. Фактов. Важная штука. Факты выдерживают проверку временем. Без них мир превратился бы в гигантский клубок слухов и сплетен, распался бы на части.

Саймон поднял воротник, поеживаясь от ветра – северо-восточного, резкого. С утра облаков было меньше. Заглянув на территорию «Вишневого дерева», ветер, казалось, тут заблудился. Виной тому местная архитектура. Ветер выбирает путь наименьшего сопротивления – отлетает от стен и прячется за углами. Люди думают, что за углом проще скрыться от ветра, но чаще как раз углы опаснее всего. Элементарная физика. Саймон пытался объяснить это мисс Амброуз, но у нее стекленели глаза, и это ей не шло. Однако он не привык сдаваться и распечатал для начальницы информацию из Интернета. В конце концов, у некоторых людей преобладает визуальное восприятие.

Саймон понял, что просчитался, наступив на седьмую перекладину. Ветер ощутимо подтолкнул стремянку, металлические ножки скрипнули по плитке. Саймон подумал, уж не промелькнет ли перед ним сейчас вся жизнь или хотя бы самые значительные события, но увидел только потрескавшуюся крышу и голубя, рассматривающего его сверху с механическим любопытством. Может, в жизни Саймона не было значительных событий, или им еще только предстояло свершиться, а теперь их уже не будет из-за северо-восточного ветра и лишнего сэндвича с яйцом. Он уже предчувствовал неизбежность падения заскользившей стремянки и непредвиденное возвращение на асфальт, когда послышался голос:

– Держитесь, молодой человек!

И лестница снова встала ровно. Мир вокруг опять стал вертикальным.

Когда Саймон поглядел вниз (что потребовало от него всего, до последней капли мужества), он увидел верх мягкой фетровой шляпы и руку, удерживающую стремянку. Новый жилец, тот, из общей гостиной, как, бишь, его зовут.

– Прайс. – Мужчина пожал Саймону руку, когда тот спустился на твердую землю. Он кивнул на стремянку: – Сущая угроза здоровью и безопасности, если хотите мое мнение.

– Вот именно! – Саймон попытался сглотнуть, но во рту пересохло. – Я им этими самыми словами и говорил!

– Это общая проблема современности – люди разучились слушать.

– Вот именно! – подхватил Саймон и повторил это еще несколько раз для убедительности. – Нужно будет ее чем-то привязать к стене.

– Я помогу, если хотите. – Мистер Прайс поправил шляпу.

Саймон не мог точно назвать средний возраст обитателей «Вишневого дерева», но этому жильцу впору было удерживать толпу в супермаркете, а не то что стремянку. Прайс был, можно сказать, в полном расцвете сил, будто возраст только ту же натянул его жилы, вместо того чтобы их расслабить.

– Не смотрите с таким обеспокоенным видом, Саймон, – улыбнулся Прайс. – Я еще не готов для живодерни.

Целая вереница «нет-нет» вылетела изо рта Саймона легким хороводом.

– Оскар Сван стал олимпийским призером, когда ему было уже за семьдесят, – затараторил он. – А Фауджа Сингх пробежал Лондонский марафон в девяносто два года. История знает массу людей, добившихся больших свершений в преклонном возрасте.

Прайс приподнял стремянку и отодвинул ее от водосточного желоба.

– Как интересно, Саймон! Расскажите еще!

И Саймон охотно рассказал.

Флоренс

Видно было, что Элси считает мое предложение нелепым, но она все равно согласилась. Это одно из лучших качеств Элси.

– Хорошо, я пойду с тобой. Для чего еще существуют подруги.

– И ты не будешь спорить?

– Иногда проще согласиться, – вздохнула она. – Иначе остаток дня придется слушать твои уговоры.

Я предложила сарай для садового инвентаря. Если мы засядем в сарайчике, он обязательно рано или поздно пройдет мимо, и Элси сама увидит. Я хотела доказать, что у меня не галлюцинации и я не потеряла рассудок.

– Знаю я, что ты не теряла рассудок, – заверила меня Элси.

Я сама в этом уверена не была. Удивительно, кстати, глупое выражение: можно подумать, это твоя собственная вина, будто по небрежности или рассеянности оставил разум неизвестно где, как ключи от дома, любимого джек-рассела или даже мужа. Впрочем, от слов «потерять рассудок» в душе начинает теплиться робкая надежда, потому что в них кроется намек на возможность, пусть и призрачную, снова его отыскать.

В сарае пахло креозотом. Креозотом и землей. Мы удивились, что сарай не заперт, но «Вишневое дерево» живет, как в 50-х, когда нигде ничего не запиралось и никому в голову не приходило что-нибудь красть. А еще в сарае было темно. Внутрь просачивался слабый свет, но углы оставались темными. У задней стены были полки, уставленные всевозможными бутылками и банками, многие из которых, как я заподозрила, содержали не то, что написано на этикетках. Под полками выставлены в ряд садовые инструменты, отбрасывавшие причудливые тени. Всех не перечислю, но там точно была огромная лопата, на которой еще оставались налипшие комья земли. Элси начала приставать, как называется каждый из них: по ее словам, она старается поупражнять мой мозг при любой возможности. Я отрезала, что мой мозг не в настроении для упражнений и если ей хочется узнать про инструменты, пусть сама и выясняет, а я пока разложу для нас пару старых садовых стульев. И я принялась за дело, но увидела, что они небезопасны. Однако Элси заверила, что все будет в порядке, если сидеть спокойно и не ерзать. Замерев на перепревшем брезенте, мы уставились в окошко, грязное от следов прошлогодних садовых работ.

– А ведь можно пойти домой и не сидеть тут, – начала Элси. – Налить большую чашку чая, включить радио...

Я не ответила. Элси к этому уже привыкла. Игнорируя ее, я слушала пение дрозда, устроившегося прямо за окном. А ведь никогда не подумаешь, что такому маленькому существу есть столько всего сказать.

Элси заговорила громче:

– Мы могли бы отдыхать дома, а не сидеть здесь!

Я повернулась. Стекла очков сверкнули, поймав солнечный луч.

– Тебе нужно увидеть его своими глазами, Элси!

На минуту все замолчали, даже дрозд.

– Я знаю это имя – Габриэль Прайс, – заявила я некоторое время спустя. – Где-то я его уже встречала.

– Ты всегда говоришь, что всех знаешь, Флоренс, у тебя привычка такая.

Я заерзала, стул угрожающе скрипнул.

– Отсюда его удобнее всего рассмотреть, – сказала я. – И я действительно где-то видела это имя. Это не моя привычка, а правда.

Из сарая вся территория была видна как на ладони. «Вишневое дерево» состоит из четырех многоквартирных корпусов, названных (весьма прозаически) А, В, С и Д. Мисс Амброуз в свое время инициировала кампанию за более романтическое переименование корпусов, но, как и многие идеи мисс Амброуз, эта так и не взлетела. Главные здания, окруженные с обеих сторон двориками, стоят посередине. Из нашего наблюдательного пункта были видны сразу оба двора: разношерстное собрание многолетников и керамических горшков с цветами, никому, по сути, не нужные дорожки, как в настольном лабиринте. Коротая дневные часы, старики шаркали от скамейки к скамейке, обмениваясь, как свертками, обрывками разговоров. Мисс Амброуз, как обычно, плелась к себе в квартиру, будто взвалив на плечи все бремя мира, Глория с кухни курила за столовой, но Ронни Батлер не показывался.

– Или как его там зовут по-настоящему, – пробурчала Элси.

– Он появится через минуту, – пообещала я. – И тогда мы сможем уйти.

– Надо было захватить бутербродов, – продолжала жаловаться Элси.

Я хотела выпрямить ноги, но вспомнила о неустойчивости стула и передумала.

– И фляжку, – не унималась она. – Мы всегда брали с собой перекусить, когда куда-нибудь отправлялись, помнишь?

Я сказала, что помню, но мыслями я была за окном и не очень следила за разговором. Проклюнулось зерно беспокойства.

– А вдруг нас застанут садовники? – спросила я. – Или этот разнорабочий, никак не запомню его имени.

– Саймон, – подсказала Элси. – Ты отлично знаешь, что его зовут Саймоном, и ты бы вспомнила, если б подумала. Нужно думать дольше, а не сдаваться сразу, Флоренс.

Я не ответила. Некоторое время между нами шел безмолвный спор.

– Помнишь, как детьми мы брали с собой бутерброды? – снова спросила подруга. – А помнишь, как в каникулы мы ездили в Уитби?

Я сказала, что помню, но, если честно, поручиться не могла. Элси это уловила – у нее ничто не проходит незамеченным.

– Думай, Флоренс, – велела она. – Думай.

Я подчинилась. Иногда воспоминание чувствуешь прежде, чем осознаешь. Картинка перед глазами не встает, но ты чувствуешь запах, вкус и слышишь, как оно подсказывает тебе откуда-то из глубин памяти.

– С ветчиной и помидорами, – вспомнила я. – И с вареными яйцами!

– Да, – воскликнула Элси, – да! Мы ели их на пляже в Солтвик Бэй, когда искали всякие окаменелости!

Я задумалась на минуту.

– Но мы же так и не нашли ничего ископаемого?

– Нет, – подтвердила Элси. – Тут ты права, не нашли.

Воцарившееся молчание нарушила я:

– Почему так? Я помню, с чем были бутерброды в Солтвик Бэй, но не могу вспомнить имя здешнего работника?

В голосе Элси послышалась дрожь, и она заговорила громче, преодолевая ее:

– Если бы мы это знали, мы бы не сидели здесь и не говорили об этом, правда?

– Да, вряд ли, – согласилась я.

– А теперь скажи мне, Флоренс, как его зовут? Этого работника? Не сдавайся, думай! Ну, как его зовут?

Я не ответила.

Прошло еще десять минут, прежде чем мы его увидели. Сначала я заметила того самого работника, который шел по траве, неся стремянку, но через грязное стекло и в полумраке сарая не сразу смогла разглядеть, кто несет ее с другого конца.

Я схватила Элси за локоть:

– Смотри! Видишь? Видишь его?

– Дай же мне поглядеть! – Элси достала очки и всмотрелась через окно. – Никого я там не вижу, кроме Саймона. Пусть подойдут поближе.

– Они будут здесь через минуту.

И они подошли. Совсем близко.

Так близко, что стало ясно: они направляются в сарай.

Однако Элси его не видела. Я знаю, что не видела – до того момента, как дверь распахнулась и в сарай ворвался дневной свет. Вот тогда она отчетливо его увидела, хотя он и стоял позади Саймона: он будто заполнял собой весь дверной проем. Ронни не выказал ни малейшего удивления; наоборот, он будто ожидал нас здесь увидеть. Саймон вообще ничего не сказал. Он посматривал на нас, доставая кусок веревки с одной из полок, но меня больше интересовал человек в дверях.

Когда Саймон вышел, сарай снова превратился в чернильницу, и я услышала свое судорожное дыхание.

– Ну?

Мы долго смотрели на то место, где они только что стояли. Наконец Элси сказала:

– Но это бессмыслица какая-то.

Я перестала смотреть на дверь и повернулась к ней:

– И тем не менее это он! Ронни!

Элси была не уверена. Да, согласилась она, этот Прайс похож на Ронни, но как можно думать, что... Не помню, что я ответила, помню лишь, как сорвалась на крик, потому что когда так боишься, то не знаешь, как с этим быть, и крик – единственный способ отогнать от себя страх. Элси дождалась, пока я выкричусь, и когда я отвела душу, взяла меня в темноте за руку.

– Твоя рука была первой, за какую я держалась, – призналась она.

Я была еще сердита и язвительно уточнила:

– Точно моя? А не мамина?

– Руки моей матери были всегда слишком заняты ожиданием возвращения отца. Наверное, в раннем детстве я держалась за руки сестер... Но твоя рука – первая, которую я помню.

Элси говорила правду. Мы держались за руки, карабкаясь на холмы, стоя на тротуаре, бегая по полям. Мы держались за руки, встречая в жизни то, чего не вынести в одиночку.

– Элси, ты здесь? – позвала я.

Ее рука стала старой, кожа истончилась и обвисла, все косточки можно пересчитать, но рука Элси по-прежнему прекрасно ложилась в мою, как было всегда. Мне хотелось ощутить ее поддержку, и Элси сжала мою руку, подтверждая – она рядом.

– Здесь.

Мы долго молчали.

– Как думаешь, что ему нужно? – спросила я наконец.

– Мы не знаем наверняка, он это или нет.

– Но если все-таки он?

– Тогда я не знаю.

– И что нам, по-твоему, делать?

– Не знаю, – снова сказала Элси. – Вряд ли нам вообще пока нужно что-то делать.

– Это еще почему? – В темноте я едва различила легкое движение. – Нужно же кому-то сказать!

– Что? Что мы скажем? Что Ронни вернулся с того света? «Доказательств у нас нет, но вы уж поверьте нам на слово»... Флоренс, у тебя испытательный срок, нужно быть осматрительнее!

Снова наступила тишина.

– Меня отправят в «Зеленый берег».

Я услышала в темноте шепот Элси:

– Возможно, он как раз этого и добивается.

Хэнди Саймон

– В сарае для садового инвентаря?!

Мисс Амброуз отложила калькулятор и скрестила руки на груди так плотно, что они исчезли в складках жакета.

– Что, черт побери, можно делать в сарае с лопатами?

Хэнди Саймон тщетно искал, куда смотреть, лишь бы не в глаза мисс Амброуз, хотя они, казалось, занимали почти все пространство.

– Не знаю, не могу сказать, – ответил он.

– А вы что делали в этом сарае?

– Мы ходили за веревкой для стремянки.

– Мы?

– Со мной был мистер Прайс. – Саймон начал ковырять пол мыском ботинка. Когда ему случилось волноваться, тревога всегда первым делом пробиралась к его ногам.

– Вы, гляжу, там целую вечеринку устроили?

– Да, мисс Амброуз.

Он понял, что зря зашел, как только увидел мисс Амброуз за подсчетами. Итоги месяца всегда приводили мисс Биссель в раздражение, а эмоции мисс Биссель передавались всем. Но ведь у него в контракте прописано сообщать о подобных вещах; обязанность проявлять осматрительность, сказано там. На ежегодной аттестации им говорили – важно мнение каждого, и если он подсобный рабочий, это не значит, что он пустое место. В «Вишневом дереве» ценен каждый. И не должность красит человека.

– Что за вселенская чушь! – сказал его отец.

Этот разговор происходил у них чуть больше пяти лет назад, когда Саймон только начал работать в «Вишневом дереве». Они с отцом сидели в патио. Легкий ветерок трепал края сетчатого экрана от мух, и висевшие в ряд разноцветные ленты шлепали по дверному косяку, будто аплодируя.

– Значит, по-твоему, человека определяет должность?

– Конечно, еще как! – ответил отец, которого всю сознательную жизнь звали Пожарный Джон. – Работа – это наша суть. Ты хоть знаешь, откуда взялись у людей фамилии?

Саймон не ответил.

– Уилер, Мэйсон, Поттер, Тейлор⁵...

– Ладно, ладно, – отмахнулся Саймон. – Со мной такого не случится – эта работа не оставит на мне клейма. В «Вишневом дереве» не по должности ценят.

– Чушь, – отрезал отец.

Мисс Амброуз снова взялась за калькулятор. Хэнди Саймон не умел понять, когда приличия предписывают откланяться: некоторые люди туманно ведут себя на этот счет. Он снова услышал щелчки калькулятора и переступил с ноги на ногу, чтобы напомнить мисс Амброуз о себе.

⁵ В переводе – колесный мастер, каменщик, гончар, портной.

– Можете идти, Саймон, – сказала начальница.

– Ясно.

Он уже закрывал за собой дверь, когда мисс Амброуз крикнула ему вслед:

– Саймон, а что конкретно мистер Прайс делал в вашем обществе?

– Лестницу переносил, мисс Амброуз. – Саймон увидел удивление в приподнявшихся бровях. – Он очень бодр для своего возраста.

– А какого он возраста?

– Не могу точно сказать, мисс Амброуз.

– Вот и я не могу, – буркнула она.

Закрывая дверь, Саймон заметил, что мисс Амброуз снова отложила калькулятор и пристально уставилась на шкафы для бумаг у дальней стены.

Саймон поднял воротник и сунул кулаки поглубже в карманы. Иногда от «Вишневого дерева» хотелось зарыться поглубже в свою одежду и исчезнуть вовсе. В детстве он мечтал стать пожарным, как папа, но уже подростком понял, что недостаточно храбр. Его отец однажды спас семью (это было еще до рождения Саймона) – вытащил из горящего здания одного за другим, как стоматолог зубы. В восемнадцать лет он стал местной знаменитостью: незнакомые люди жали ему руку, ставили выпивку и повсюду встречали с большой радостью. Даже через много лет разговор об этом вновь и вновь извлекали из ящика и передавали по кругу, чтобы все могли полюбоваться. Когда это начиналось, отец выходил из комнаты. Говорил, это напоминает ему о том единственном человеке, которого он не спас. Но все равно его поступок слился с его личностью в единое целое: все остальное, что он делал и еще сделает, исчезло в тот миг, когда он вбежал в пламя. Он словно сбросил остального себя, как вторую кожу. Все ожидали, что Саймон пойдет по стопам отца, следуя странной воображаемой линии, проведенной генетикой, но он не смог. Он знал, что побежит прочь от несчастья, а не ему навстречу, и что единственный человек, о спасении которого Саймон когда-либо думал, – это он сам.

– Ничего, не всем быть храбрыми. Сам о себе не подумаешь – никто не подумает, – постановила мать и рассказала всем подругам, что Саймон отказался от карьеры пожарного из-за астмы.

– Нет у меня никакой астмы! – возмущался он.

– А вот об этом лучше не распространяться, – отрезала мать.

Проходя мимо общей гостиной, Саймон, по-прежнему держа руки в карманах, бросил взгляд на немногочисленных жильцов, неподвижно сидевших в своих креслах в ожидании вечерней смены. Телевизор орал советы садоводам, а внизу экрана бежали субтитры, потому что для некоторых обитателей «Вишневого дерева» даже крик уже не достаточно громкий. Здесь все включено на максимальную громкость – радиолы, телевизоры и даже люди. Общение криком – обычное дело, персонал привычно кричит, даже когда жильцов нет рядом, будто здешние работники незаметно для себя перенастроились. Только в немоте своей квартиры, оклеивая вечера обоями чая и тишины под единственную песню – гуденье холодильника, Саймон открыл для себя, каким оглушительным может быть остальной мир.

17:49

Я никогда не делала ничего примечательного: не покоряла горные пики и не завоевывала медалей, не стояла на сцене перед восхищенной публикой и не пересекала финишной черты первой. Оглядываясь назад, я вижу, что прожила совершенно заурядную жизнь. Иногда я гадаю, каким было мое предназначение. Однажды я спросила vicaria, существует ли предначертание свыше и что там было начертано для меня (однажды в «Вишневое дерево»

приходил викарий со своими буклетами, раздавал их направо и налево и призывал нас быть религиозными).

«У каждого свое предназначение, мисс Клэйборн, – подтвердил он. – Иисус любит всех». – «Уверена, что любит, – согласилась я. – Но одной любви недостаточно, правда? Нужен еще и смысл. Я теряюсь в догадках, какая задача была уготована для меня?»

Я во все глаза глядела на викария: мне казалось, он может дать мне интересный ответ, утешить и ободрить, что ли, но тот лишь взглянул на часы и заговорил с миссис Ханимен о праздниках урожая.

Стало быть, даже викарий не знает, для чего я здесь.

Элси просит меня не заикливаться, однако в моем возрасте это тоже помогает коротать время.

«Но ведь должно же быть предназначение? – говорю я. – Или последние восемьдесят четыре года я тупо просидела в зрительном зале?»

«Конечно нет! Никто не сидит в зрительном зале. В этом театре зал тоже сцена».

Вот понятия не имею, что она имела в виду. В таких случаях я просто киваю – это отнимает меньше времени и так проще нам обоим. Элси часто выдает что-нибудь этакое, например, о девчонке с подвернутой ногой. Не сомневаюсь, что половину она выдумывает. Однако это наводит на размышления, заставляет призадуматься, действительно ли и у тебя было предназначение и уплыло восвояси, а ты не удосужилась вовремя ему помахать.

Когда лежишь на полу, мало что можно делать, разве что думать. Разумеется, в основном я думала о Ронни. В сарае для садового инвентаря он был прямо перед носом у Элси, но она ничего не пожелала увидеть и услышать. Она не изменилась со школы – она и тогда просила меня перестать волноваться еще до того, как я излагала свои доводы, не дослушав меня до конца. Единственная разница в том, что на этот раз уже никто не выслушает мой рассказ. Никогда не думала, что до этого дойдет. Всегда рассчитываешь, что тайна останется тайной не навсегда, что однажды ты подойдешь к кому-нибудь, скажешь: «Я этого еще никому не говорила...», и тайна исчезнет, перейдя в иное качество. И только дожив до преклонных лет и лежа на вычищенном паласе наедине с собой, понимаешь, что тебе так и не попался подходящий человек, с которым можно поделиться тайной.

Флоренс

– Джастин сегодня принесет аккордеон.

Она стояла посреди гостиной, хотя моя гостиная слишком мала, чтобы иметь середину.

– Может, на следующей неделе, – скрепя сердце согласилась я.

Мисс Амброуз глубоко вздохнула:

– Всего на пять минут, Флоренс. Мы с вами пойдем туда вместе.

– На пять минут и пальто снимать не стоит.

– Ничего, – заверила она. – Не снимайте.

– У него глаза слишком близко посажены.

– Что, простите?

– Я про Джастина, – пояснила я. – А это признак склонности к уголовным преступлениям. Можно многое сказать по тому, насколько широко у человека поставлены глаза. Я об этом читала в журнале.

Говоря это, я глядела прямо на нее.

– Флоренс, я бы не сказала, что Джастин...

– И стройнее он не становится, не правда ли?

– Флоренс!

Пока она снова закутывалась в свои одежды, мой взгляд блуждал по комнате. Стулья вплотную придвинуты к столу, прочитанная газета сложена и лежит на углу. Ваза точно посередине каминной полки. Хотя, кажется, не совсем в центре, если присмотреться. Сдвинута влево примерно на дюйм. Газета была на правом углу, ваза на дюйм сдвинута влево. Или наоборот?

– Я передумала, – сказала я. – Я останусь здесь, у меня дела.

– Флоренс! Мне казалось, мы договорились.

– Это вы договорились за себя и за меня, – парировала я. – Я ни о чем не договаривалась.

– Общение не менее важно, чем правильное питание. Вам надо быть среди людей. В противном случае... – Она не договорила.

– Что – в противном случае? – не удержалась я.

Хмурую напряженность мисс Амброуз растянула в улыбку:

– В противном случае «Зеленый берег» будет для вас правильным решением.

Я изо всех сил сжала губы, боясь того, что может сорваться с языка.

– Готовы? – Мисс Амброуз затолкала шарф под пальто.

Я кивнула.

Последнее, о чем я думала, когда она открывала дверь, был фарфоровый слоник. Глядевший в окно. Ожидающий моего возвращения.

Едва войдя в общую гостиную, я принялась искать глазами Ронни.

Я вглядывалась в лица, и не один раз, потому что люди двигались, и я беспокоилась, что кого-то упущу. Я даже прошлась туда-сюда. Раз или два со мной попытались заговорить, но я отказывалась общаться, потому что, если не поостеречься, живо окажешься на крючке и следующие два часа просидишь с кем-нибудь рядом, придумывая, что бы еще сказать. В конце концов я нашла свободный стул позади всех и села одна. Мне дали чашку чая – должно быть, принесла мисс Амброуз, – и я балансировала блюдцем на колене.

Комната начала заполняться жильцами, с палочками и в пальто, и вскоре вокруг меня выросла стена разговоров. Я не могла разобрать, о чем идет речь, потому что все общались стоя и голоса ускользали от моего слуха. До меня долетали только отдельные слова – по-моему, садоводство, вроде бы телевизор и, кажется, погода. Я давным-давно израсходовала свои разговоры на эти темы, поэтому осталась сидеть, так сказать, на заднем плане.

Я просидела несколько минут, прежде чем спохватилась, что рядом сидит Элси.

– Ты все-таки пришла? – удивилась она. – После всего?

Я взялась за блюдо:

– У меня не было выбора – мисс Амброуз была не в духе. В таком настроении она не желает слышать слова «нет».

– Тебе понравится, Флоренс! Джастин хороший, с ним все поют, даже миссис Ханимен.

– Меня он не заставит. Он еще не пришел, я смотрела.

Элси поглядела в дальний угол:

– Вон он, возле фикуса. Распаковывает аккордеон.

– Я не о Джастине, а о Ронни, – прошептала я, предварительно оглядевшись.

Элси покачала головой:

– Мы же вроде условились не волноваться, пока не узнаем наверняка?

– Нет, – сказала я. – Я ни о чем таком не улавливалась. Это ты с собой условилась. Как можно говорить, что рано волноваться, когда ты видела его собственными глазами?!

– Даже если это Ронни, а это вполне может оказаться просто похожий на него другой человек...

– Похожий как две капли воды, – вставила я.

– Тогда, возможно, не надо дергаться, а на всякий случай задраить все люки. Может, он вообще ничего не хотел и это просто совпадение!

– Он побывал в моей квартире.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что вещи передвинуты. Мне очень хочется пойти туда прямо сейчас и поймать его за руку!

Вокруг нас возникло озерцо тишины. Остальные начали поглядывать.

– Флоренс, перестань кричать. Если мисс Амброуз заметит...

– Я не кричу, а высказываю свое мнение, – возразила я. – Я этого ему не спущу.

Элси снова покачала головой:

– Ты ошибаешься. Ты просто забыла, что куда ставила.

– Я не забывала, это слоник!

– Это не может быть слоник, потому что слоны никогда ничего не забывают.

Генерал Джек, бывший военный. Путается в словах. Носит вытертый серый плащ. Когда я подняла глаза, он опирался на свою палку и улыбался – правда, улыбка чуть дрожала в уголках. У генерала Джека была привычка: если он не говорил сам, то без спроса влезал в чужие разговоры. Я всегда считала его «генеральным», в смысле, общим Джеком, и он сказал, что не возражает: «общий Джек» звучит так, словно он по-прежнему хоть немного полезен.

– Мы нечасто видим вас здесь, Флоренс. Я уже начал забывать, как вы выглядите.

– Вы видели меня во вторник на «Здоровых сердцах».

– Нет. Я вас высматривал, но вы остались у себя в квартире!

Элси вздохнула:

– Ты отправила мисс Амброуз куда подальше.

– Да? Не помню. – Я оглядела комнату. – Пожалуй, стоит извиниться.

– Ну, она наверняка слышала и похуже, – пробурчала Элси.

Я огляделась в поисках мисс Амброуз и тут увидела Ронни. Прислонившись к стене, будто впечатавшись в обои, он высматривал и выслушивал подробности чужих жизней. Руки он скрестил на груди, а на лице застыло то же выражение, что и на фабричном дворе много лет назад. Ронни всегда садился есть отдельно, а доев, вытаскивал из ботинка спичку и прикуривал сигарету. Даже в те годы от его мины сразу пропадало желание общаться: для разговоров люди шли искать кого-нибудь с лицом попроще.

– Вон он стоит. – Я думала, что я это прошептала, но все снова обернулись на меня. Элси прикрыла глаза и покачала головой.

Джек обернулся через плечо:

– Кто тот новенький?

– Не такой уж он и новенький, – парировала я.

– Флоренс. – Элси взяла меня под руку. – Мы же с тобой условились пока что держать свои соображения при себе. Разве опыт не научил нас, что выпаливать все подряд – не лучший способ действий?

– Что вы имеете в виду? – Джек наклонился к нам еще сильнее.

– Я его знаю, – сказала я. – Я знала его много лет назад.

– Так пригласите его сюда! – Джек замахал тростью, но мне удалось дотянуться и прекратить это.

Джек присел на стул напротив, пристально вглядываясь в мое лицо, будто ища ответ. Не знаю, почему я с ним разоткровенничалась. Может, потому, что в его глазах жило беспокойство. Или потому, что Элси от всего отмахивается, а мне требовался человек, который поддержал бы меня в моих волнениях. А может, Джек напомнил мне отца спокойными увещаниями и опытом прожитых лет. Как бы то ни было, я не выдержала и рассказала о слонике и о шраме в углу рта Ронни, хотя и не открыла Джеку всего. Некоторые вещи сидят в памяти по многу лет, жиреют, тяжелеют, и в конце концов им уже не найти объяснения.

Джек глядел на меня.

– Ну? – не выдержала я.

– Мне очень жаль видеть вас такой расстроенной, Флоренс.

– Вы сейчас ничем не помогли, – отрезала я.

Одна из помощниц вошла с подносом – не немка, а другая, с толстой косой до пояса. Красное лицо, слишком большие для ее руки часы. У меня не было аппетита, но я не хотела ее обижать, поэтому завернула несколько бутербродов в бумажную салфетку и сунула в сумку.

– Ну? – повторила я, когда девушка отошла.

– Мне кажется... – Слова у Джека не сразу нашли путь наружу. – Мне кажется, если вы обеспокоены, то и нам всем тоже имеет смысл насторожиться.

Я выдохнула и скрестила руки на груди.

– Видишь, – повернулась я к Элси, – Джек не считает меня дурой!

– Никто никогда даже отдаленно не намекал, что ты дура.

– Надо кому-то сказать. – Я крепче сжала кулаки. – Мисс Биссель, полиции, правительству...

– У тебя испытательный срок, – напомнила Элси. – Кем тебя сочтут, если мы побежим к мисс Биссель?

– У меня испытательный срок, – пояснила я Джеку. – У меня всего месяц доказать мисс Амброуз, что я не схожу с ума.

Джек посмотрел на нас обеих и протянул руку:

– Я вам вот что скажу, Флоренс: попробуйте совет моего врача.

Я упорно не разжимала рук.

– Какой совет?

Джек потрепал меня по коленке:

– Отчего бы нам не подождать и не понаблюдать?

Я сделала еще круг по гостиной. Все пели о пьяных матросах. Я различала голоса Джека и Элси даже с другого конца комнаты – там, где Ронни подпирал стену. Вернее, раньше подпирал, потому что он уже ушел. Я видела тележку с едой и доску объявлений, видела миссис Ханимен в кресле, обложенную подушками, но место, где стоял Ронни Батлер, было пустым.

– Куда он делся? – прошептала я.

Никто не ответил.

Я вышла в коридор. Единственным, кого я там увидела, была молодая немка, которая скрылась в одной из комнат.

– Вы меня ищете? – прокричала я, но двойные двери прощально закачались. Даже на стойке администратора было пусто, только телефон звонил в одиночестве, пока не ответил автоматический голос мисс Биссель:

«Спасибо, что вы позвонили в «Вишневое дерево». Мы предоставляем услуги проживания престарелым. Все телефонные разговоры записываются с целью контроля и обучения персонала».

Я пошла обратно по коридору на звук хорового пения и вскоре снова различила голоса Джека и Элси. На ходу я поглядывала в маленькие окошки на дверях. И только дойдя до кухни, я увидела Ронни: он стоял у одного из подносов с сэндвичами и что-то вынимал из кармана.

– Он пытается нас отравить!

Джек проводил нас до моей квартиры. Я сказала, что в этом нет необходимости, еще до того, как он предложил, но Джек настоял.

– Зачем ему это, черт побери? – Элси сняла пальто и без спросу устроилась в любимом кресле у камина. – Какая у Ронни может быть причина кого-то травить? Опять чудишь, Флоренс!

– А что он тогда делал в кухне, зачем стоял над едой? – Я подошла к окну и резко задернула занавески. – Почему он вообще в кухню зашел?

– Наверное, решил взять себе еще сандвич, – сказала Элси. – Или поискать молока. Нам ведь никогда не приносят достаточно, скупердяйничают...

– Нам не разрешается заходить на кухню. – Я уселась в другое кресло и взглянула на зашторенное окно. Узенькая полоска дневного света пробивалась сквозь щель между занавесками. – На дверях же написано: «Только для персонала». Слушайте, все же записывается для контроля и обучения! Значит, записалось и то, как он в кухню лазил! Тогда его можно отследить! Давайте скажем кому следует?

Элси двумя пальцами сжала переносицу. Я снова покосилась на окно.

Джек дотянулся и плотнее задернул занавески.

– Так лучше? – спросил он, и я кивнула. – Давайте-ка отступим на шаг и подумаем, что предпринять.

– Может, включим свет? – подала голос Элси. – А то теперь я ни черта вокруг не вижу.

Я поняла это, только щелкнув выключателем, когда свет от лампочки разлетелся до самых укромных уголков. Я слишком волновалась о сандвичах, чтобы заметить раньше.

– Слоник, – сказала я.

Мы все поглядели на каминную полку.

Фарфорового слоника не было.

Хэнди Саймон

– Девяносто семь?! – Хэнди Саймон поискал глазами стул. У него подкосились ноги, но свободного стула не нашлось. – Девяносто семь? – повторил он.

– Девяносто семь. – Мисс Амброуз ткнула пальцем в картонную папку. – Он вообще не выглядит на девяносто семь! Вот вы бы дали ему почти сто лет?

Саймон сморщился от умственных усилий. Он подумал о своем деде, который провел последние годы в больнице Сен-Джон и умер, когда ему было далеко за восемьдесят, и о женщине из магазина на углу, которая отбилась от банды хулиганов единственно своей тростью и крепкой фразочкой, услышанной по телевизору.

– Не уверен.

Мисс Амброуз повторила:

– Вы можете поверить, что ему девяносто семь?

Саймон наконец понял, что это один из вопросов, которые задают не в расчете на аргументированный ответ, а просто в ожидании согласия собеседника.

– Нет, – ответил он, – никак не могу.

Он глянул в общую гостиную. Кабинет мисс Амброуз был со стеклянными перегородками, расчерченными решеткой, и казалось, будто смотришь сквозь прозрачную шахматную доску. Джастин убрал свой аккордеон в футляр, и большинство жильцов поплелись к телевизору. Габриэль Прайс сидел спиной к кабинету мисс Амброуз на одном из жестких стульев, обычно предназначенных для персонала. Но по повороту головы было очевидно, что он смотрит вовсе не на экран.

– Происходит что-то странное, – произнесла мисс Амброуз. – Но что конкретно, я еще не поняла, пальцем показать не могу.

Надо сказать, что мисс Амброуз со своим пальцем не была особенно надежна. А вот мисс Биссель и днем и ночью умела показать пальцем на что угодно с фантастической точностью.

– Может, спросить у мисс Биссель?

Едва Саймон услышал свои слова, как спохватился – зря сказал. Порой ему казалось, что между мозгом и ртом у него огромная дыра, в которую выпадают самые сокровенные мысли.

– Ну, не будем же мы беспокоить мисс Биссель по любому поводу, Саймон?

Саймон хотел ответить, но решил, что безопаснее молча покачать головой.

– Следите за ним. – Мисс Амброуз кивнула на прозрачную стену. – А заодно приглядывайте за остальными. Флоренс Клэйборн в последнее время ведет себя очень странно. Не исключено, что настало время направить ее на осмотр к специалисту для окончательного решения насчет «Зеленого берега».

Так Хэнди Саймон стал Матой Хари, что наполняло его осознанием собственной важности пополам с отвращением к себе.

Саймон не любил ответственности. Большую часть жизни он прятался за угол, чтобы не попасться на пути этой самой ответственности, даже если, по его прикидкам, она маячила только в отдаленном будущем.

Он шел через двор к парковке – гравий скрипел и разлетался из-под его кроссовок. Мотор завелся, стрелка часов встала ровно на полчаса, а из радио громко раздался прогноз погоды, сразу заполнивший салон. Облачно, туманно, ожидается похолодание. Выезжая за ворота, Саймон заранее знал, что женщина с паттердейл-терьером будет ждать на пешеходном переходе, пропуская машины, а мужчина во внедорожнике прикурит сигарету, пока стоит на светофоре. У начала дороги мясник будет убирать из витрины подносы, а женщина из магазина «Овощи и фрукты» понесет складную доску с рекламой. Если первый светофор будет зеленым, Саймон лишь мельком взглянет на витрины автомобильного салона – ему не придется глазеть на них целых три минуты, а если у цветочного магазина включить вторую скорость, он и второй светофор проедет на зеленый. Саймон помнил, что сразу после входа в парк нужно объехать люк. Если повезет, он припаркуется у самой закуской. Продавец скажет: «Добрый вечер, мистер Саймон», подаст белый пластиковый пакет, и больше они и словом не обменяются до следующей недели. Сегодня Саймон будет ужинать на диване. Запрещать некому – матери уже нет в живых, и хотя новизна уже повыветрилась, он до сих пор помнит каждый раз, когда ел на диване. Потом бросит пакет и пустые картонки в мусорное ведро и выключит свет на кухне. Секунду будет смотреть на часы на микроволновке, слушая, как холодильник гудит себе под нос на заглушающем звуке линолеуме. Саймон никогда не страдал бессонницей, но в ту ночь он лежал в кровати и думал о театре незнакомцев, заполнявших его дни. Думают ли они о нем? Ему пришло в голову, что каждый человек тесно связан с другими, хотя они об этом не знают. Мысль отчего-то показалась Саймону утешительной, но он заснул, не успев разобраться почему.

Флоренс

Я перехватила взгляд Элси на Джека. В ее глазах уже было меньше сомнения. Извинений там совсем не было, но я их и не требовала: всему свой срок.

– А ведь я вам говорила, что он сюда ходит! Говорила или нет? – не выдержала я.

Джек подошел к каминной полке:

– Интересно, почему он выбрал слоника?

– Потому что слоны никогда ничего не забывают, – сразу же ответила я. – Это намек. Он дает понять, что у него хорошая память.

Элси предупреждающе посмотрела на меня из угла.

– Я всего лишь говорю правду! – заорала я.

– Я бы хотела, чтобы ты говорила правду чуть тише, – попросила Элси. – Нужно сохранять спокойствие, Флоренс. Нужно думать.

– Я говорю начистоту! – крикнула я. – Мне мало что теперь дозволяется делать, но пока я еще могу высказаться начистоту!

– Если Ронни все-таки не утонул и новый жилец действительно он, – начала Элси, – зачем ему это делать, по-твоему? Столько лет спустя?

– Не знаю! – отрезала я. Элси нахмурилась.

Джек разглядывал каминную полку.

– Это взлом и незаконное проникновение, пусть он и не оставил следов.

– А вдруг он все еще здесь? – Я вскочила, но ноги меня не держали, и я медленно опустилась обратно в кресло. – Проверьте в других комнатах!

Слышно было, как Джек обходит квартиру, открывая двери.

Элси смотрела на меня. Я искала в ее глазах поддержку моим страхам. Второе, что вам нужно знать об Элси, – она всегда знает, что сказать. Я ждала от нее нужных слов.

– Все будет хорошо, Флоренс. Если это и вправду Ронни, тогда, по крайней мере, он сделал первый шаг. Мы и похуже видали, правда?

Я кивнула. Да, мы видали гораздо хуже.

– Но если это он, то одно меня очень беспокоит.

– Что?

Я не сразу смогла ответить, но справилась с собой:

– Кого тогда, черт побери, похоронили в 1953 году?

Мой вопрос остался без ответа, вернулся Джек.

– Все чисто, – сказал он и взял один из стульев.

– Может, теперь вы и в остальное поверите, – с упреком говорила я. – И чем сомневаться во мне, можете собрать доказательства, прежде чем меня отправят в «Зеленый берег».

– Никто в тебе не сомневается. – Элси потянулась ко мне, но я сложила руки на коленях.

– Сэндвичи! – вдруг вспомнила я. – Представляете, в такую минуту я могу думать о бутербродах! У меня в сумке лежат. Давайте от них избавимся – завернем во что-нибудь и отправим в мусорное ведро, пока никто не отравился!

Джек взял мою сумку, которую я бросила на край обеденного стола.

– Здесь? – спросил он.

– Да! Давайте вы. Выньте их оттуда. Не хочу к ним прикасаться.

Джек открыл сумку и уставился внутрь.

– Ну же, – поторопила я.

Он долго смотрел в сумку, а когда опустил туда руку, то достал не бутерброды. Я уже поняла, что сейчас будет. Я поняла это еще до того, как увидела.

Из сумки появился фарфоровый слоник.

Я сидела в кресле с чашкой сладкого чая, который перед уходом налил мне Джек. Чай наверняка уже остыл – чайники липли к стенкам и пытались вывалиться через край. На лбу у меня выступили бисеринки пота, и я знала, что на колготках у меня затяжка – задела ногой о тумбочку. Я чувствовала, как затяжка удлиняется с каждым моим движением. Квартира по-прежнему была пропитана энергией, бродившей в поисках применения. Мы сидели вдвоем, я и Элси, и нас обступал мрак. Я старалась разглядеть очертания мебели, но в темноте все изменилось.

– Включить свет? – послышался голос Элси.

Я не ответила. Я выключила лампу, как только ушел Джек. Не знаю почему. Мне показалось безопаснее не сидеть при свете.

– Может, тогда радио? – спросила она. – Ты не против?

Я не смогла заставить себя ответить.

– Ты всегда любила музыку. Первый раз, когда ты зашла на чай, мы говорили о музыке. У меня еще мама дома была, помнишь?

Я поглядела на Элси.

– И сестры с нами сидели. Помнишь Дот и Гвен?

– Лица помню, – призналась я.

Элси улыбнулась, и я улыбнулась в ответ.

– Это важно, Флоренс. Давай попробуем вспомнить три вещи? Начнем с Гвен!

После некоторого усилия я почувствовала, как мысли освободились от невидимой привязи и поплыли назад.

– Она все время проводила на кухне, – проговорила я. – Вечно вязала. Она же вроде тебе шарф связала, да? Гвен единственная хоть как-то могла договориться с вашей матерью.

– Верно, так и было. А Дот?

– О, эта не присядет. Вечно чем-то занята, всегда при деле. Она, кажется, вышла замуж и переехала?

– Да, – подтвердила Элси. – Ты просто молодец, Флоренс!

– Это всего лишь имена, – нахмурившись, я закрыла лицо руками.

– Разве имена не важны?

– По-моему, нет. Я всегда плохо запоминала имена.

Память действительно не желала удерживать имена. Даже в молодости названное мне имя будто проваливалось в какую-то щелку памяти и исчезало. А у Элси было целых четыре сестры, и это путало меня с самого начала.

Элси, Гвен, Бэрил и Дот.

Будто мать Элси подбирала имена, как ноты: E, G, B, D⁶...

Не хватало F, но отец Элси ушел на войну и вернулся в виде телеграммы на каминной полке. Мать Элси была убеждена, что это ошибка, и цокала языком на телеграмму, будто та нарочно пыталась выставить ее вдовой.

«Ну откуда им знать, что это именно он? – говорила она своей сестре, нам и очень часто – пустой комнате. – Вот откуда им знать?»

Никто ей не отвечал, все упорно разглядывали пол и потолок или переглядывались. На мать никто не смотрел – это было небезопасно. Это как раскрутить прялку, не зная, для чего. Телеграмма всегда стояла на подставке для писем и смотрела на нас. Погиб отец Элси или нет, их осталось только пятеро, и пришлось принять как факт, что на F никого не будет. Но зато, когда Элси познакомилась со мной в школьном автобусе, появился кто-то на F. В первый раз, когда она привела меня к себе в гости, мы пили чай за кухонным столом, и Элси восклицала:

– У нас есть F!

Все промолчали, даже ее мать.

– Теперь у нас полный комплект! Вы что, не понимаете? E, G, B, D, F, – она по очереди указала на каждую из нас.

– А меня ты куда денешь? – спросила ее мать.

Ее звали Изабель.

– Не знаю, – растерялась Элси. Бэрил обожгла ее взглядом через стол. Даже Гвен едва заметно покачала головой.

– И Чарли! Как быть с вашим отцом? Что он скажет, когда услышит твои слова?

Все молча посмотрели на подставку для писем. Я не осмеливалась проглотить чай, зная, что глоток получится таким громким, что мертвые проснутся, и даже их отец (если, конечно, он действительно погиб).

Вместо этого я отодвинула кусок бисквитного торта «Виктория», промокнула губы салфеткой и сказала:

⁶ E, G, B, D, F – буквенная система обозначения нот, расположенных на линиях нотного стана от нижней до верхней. Ми, соль, си, ре, фа.

– Миссис Коулклифф, Чарли⁷ у нас на С⁸, а С очень важная нота.

Мать Элси просияла, и с этой минуты все стали очень тепло ко мне относиться.

Эту историю рассказала мне моя память. Я посмотрела на Элси:

– Е, G, В, D, F. Я нравилась твоей матери?

– Конечно. Ты нам всем нравилась.

– И Дот, и Гвен? Им я тоже нравилась?

– Точно знаю, что да.

– А Бэрил?

Возникла заминка, и Элси понимала, что я ее заметила.

– Да, насколько Бэрил вообще могла кого-то любить.

Указательным пальцем я водила по узорам на обивке кресла – туда-сюда по линиям, всякий раз стараясь попасть в начало.

– Я много думаю о Бэрил, – призналась я. – О жизни, которой мы живем после нее. О жизни, которой ей не досталось.

Элси шумно выдохнула, но промолчала.

– Нельзя, чтобы это сошло ему с рук, – твердо сказала я. – Нужно доказать, кто он такой, пока не поздно.

18:39

Нужно письмо написать местному совету! В тумбочке есть отличная писчая бумага; как только я смогу подняться, сразу достану и напишу.

О мусоре. Слишком много мусора стало. Люди выбрасывают надоевшие вещи, а мусор уже складывать некуда! Я читала об этом в журнале. Когда мы что-то использовали, это надо не в ведро бросать, а перерабатывать. Так говорилось в журнале. Я всем об этом рассказывала, но никто же не слушает!

«Не волнуйтесь вы о мусоре, мисс Клэйборн, – говорят они. – Волноваться о мусоре наша работа».

Но ведь кто-то должен волноваться, правда? А ведь никто не волнуется. Вон за кухней огромные мусорные ведра, я сама видела. Полные объедков, еды, за которую люди были бы благодарны. И одежды там полно: всего-то и нужно заштопать, но сейчас в домах не держат иголки с ниткой. Я уже принесла целую коллекцию, пока меня не застала Глория.

«Флоренс, да не возитесь вы с этим». – Она забрала штопку из моих рук и снова выбросила.

Я не стала поднимать скандал (Глория не знала, что это мой второй поход к контейнерам – я уже заштопала куртку и носки). Я спасаю все старые газеты, намереваясь их прочитать, когда вечера станут длиннее, и буду использовать картонки из-под яиц для всяких мелочей. Элси говорит, они неприятно пахнут, но она всегда была привередой. Слишком легко нам все стало доставаться, сказала я ей. Нельзя так быстро все выбрасывать. Всегда можно найти применение старой вещи, если дать себе труд призадуматься.

Я попрошу Глорию помочь мне написать письмо властям. Она приятная девушка, Глория, – всегда улыбается, добрые глаза и великолепные зубы. У каждого бывают плохие дни; я встретила Глорию в такой день. Может, это она меня найдет, и я еще раз объясню ей насчет мусора. Когда она постучит в дверь, я крикну в ответ, не желая поднимать переполох: «Не хочу быть обузой, но я, кажется, попала в непростую ситуацию!»

Я попрошу не вызывать «Скорую», но Глория и слушать не станет, такая уж она девушка. А когда «Скорая» меня заберет, Глория сядет рядом с носилками и, хотя машина будет рас-

⁷ Charlie (англ.).

⁸ С – до.

качиваться и все провода, коробочки и приборы мотаться туда-сюда, не отпустит мою руку. Ни разу.

«Не волнуйтесь, Флоренс, я вас не оставлю».

Молодой парамедик сядет напротив, сложив руки на коленях. Я буду разглядывать его ботинки и думать, какие они поношенные, и спрошу, не заканчивается ли у него смена.

А он ответит: «Уже скоро».

И подмигнет. Я начну вспоминать, когда в последний раз мне кто-нибудь подмигивал, и не смогу припомнить.

«И всегда-то вы, Флоренс, думаете о других», – улыбнется Глория и чуть сожмет мою ладонь.

А я отвечу, что она может называть меня Фло, если хочет.

Не знаю, когда Глория заканчивает работу, вроде бы в пять. Значит, могла уйти. Но она же иногда задерживается? Ведь в нынешние времена все задерживаются на работе, правда?

Флоренс

По вторникам я всегда хожу в парикмахерскую. Шерил моет мне голову и орудует с расческой, пока не начешет мне полную голову волос. Шерил не от «шерри», а просто французское имя. Правда, я вечно об этом забываю, да и какая разница.

У нас не настоящая парикмахерская, а комната возле общей гостиной, однако мастера стараются – развешивают фотографии людей, с которыми внешностью никому не сравниться, и расставляют флаконы лака для волос на кофейном столике у двери. Странная девушка эта Шерил. Короткие светлые волосы, вечно хмурая. Татуировка на запястье с внутренней стороны. Видимо, имя ее дочки, но никто о ней не упоминал. Войдя в парикмахерскую, я не видела, что там сидит Ронни, пока не закрыла дверь, а потом не смогла найти выхода.

Он улыбнулся мне с соседнего кресла, но в этой улыбке не было того, отчего хочется улыбнуться в ответ.

– Мисс Клэйборн. – Шерил поднялась и отставила для меня стул. – Что будем сегодня делать?

Она всегда говорит одно и то же: «Что сегодня будем делать?» Однажды я ее удивлю: скажу – в рыжий, как у Риты Хэйворт, илиотрежем челку, как у Вероники Лейк. Но от этого Шерил-французское-имя только нахмурится еще сильнее, поэтому я ответила:

– Как всегда, Шерил, как всегда.

Она вынула расческу и накрыла мои плечи маленькой пелериной.

Другая девушка подстригала Ронни. Никто не знал, как ее зовут, и так как парикмахерш было всего две, то вторую прозвали Не-Шерил. На вопрос: «Кто вас стриг и укладывал?» – люди слышали в ответ: «Не-Шерил» и понимали, о ком речь. Не-Шерил знала, что мы так ее зовем, и не возражала. Сейчас она зажимала пряди волос Ронни между пальцами и быстро щелкала ножницами, подстригая концы. Я наблюдала за ней в зеркало.

– Вам удобно сидеть, мистер Прайс? – спросила Не-Шерил.

– Просто отлично, – похвалил он. – Как будто всю жизнь здесь просидел.

Его голос не изменился ни на йоту. Я старалась отключить слух, но звуки все равно проникали в уши, и от каждого слова сосало под ложечкой. Для такого жестокого, склонного к насилию человека Ронни говорил мягко, почти шептал, как женщина. Если внимательно прислушиваться, можно было уловить даже шепелявость.

– Откуда вы родом, говорите? – Девушка вынула из кармана другие ножницы.

Помолчав, он ответил:

– Оттуда – отсюда, всего понемногу.

Я отчетливо расслышала его улыбочку. Слова Ронни по-прежнему звучали самолюбиво, даже спустя столько лет.

– Интересно, – сказала Не-Шерил.

Шерил укладывала мне волосы, а я глядела в зеркало и недоумевала, давно ли я уже выгляжу такой старой.

– В общей гостиной много интересных занятий, мистер Прайс, если вам захочется завести побольше знакомых.

Про себя я возмутилась: «Это я твоя клиентка, и ты должна говорить со мной, а не с ним!»

Слышно было, как Ронни пошевелился в своем кресле – дерматин скрипнул под его весом.

– Я слишком занят для этого.

– Чем же вы так заняты? – поинтересовалась Не-Шерил, которая в силу молодости еще попадалась на удочку.

Кресло снова скрипнуло.

– Да вот, пришлось взяться за свое семейное древо.

Я не сомневалась, что Ронни смотрит на меня в зеркало, но Шерил все время заслоняла обзор.

– О, всегда хотела этим заняться. – Шерил начесывала мне пряди на уши. – Должно быть, это очень увлекательно?

– О да, – подтвердил Ронни, – на редкость.

– И насколько же вам удалось углубиться? – Шерил отказалась от попытки прикрыть мне уши и начала искать, где сделать пробор.

Ронни ответил не сразу. Он всегда тянет время, будто непременно надо посмаковать собственное мнение, прежде чем отпустить его.

– Насколько мне было нужно, – ответил он.

– А я бы даже не знала, с чего начинать, – сказала зеркалу Не-Шерил. – Моя прабабушка родом из Престатина, но больше я о родне ничего не знаю.

Я поняла, что Ронни снова двинулся в кресле, потому что, когда я подняла глаза, его отражение приблизилось к зеркалу.

– Вы не поверите, сколько всего можно обнаружить с помощью небольшого расследования. При известной настойчивости можно разыскать кого угодно, даже прабабушку из Престатина, – улыбнулся он.

– Вы так считаете? – переспросила Не-Шерил.

– Любого можно разыскать. – Ронни встал и отряхнул плечи. – В мире не осталось укромных уголков.

Говоря это, он глядел на меня. Я испугалась, что сейчас все услышат мое учащенное дыхание. Я волновалась, что Шерил спросит, все ли со мной в порядке, почему я так побледнела и не нужно ли мне воды. Но никто ничего не сказал. Ронни выскользнул обратно в общую гостиную, девушка подмела с пола все его следы, а Шерил взяла с полки полотенце и обернула мне плечи, сказав:

– Ну что, приведем вас в порядок?

Я ничего не ответила – сидела и пыталась сосредоточиться на радио, но передавали не ту песню, которую мне хотелось услышать. Не-Шерил болтала о своей прабабке в Престатине, а Шерил делала вид, будто ей интересно. Я слышала щелканье ножниц, жужжанье фена и звук льющейся в раковину воды. Я пыталась заглушить внешними звуками свои мысли, но они становились только громче.

Когда я пошла платить, то, стараясь переключиться на что-нибудь другое, загляделась на татуировку на запястье Шерил, пока та отсчитывала сдачу в кассе.

– Прелестное имя – Элис, – сказала я. – Когда-то у меня была тетка по имени Элис.

Шерил отчего-то выронила монеты на пол. Она собирала их целую вечность, а когда выпрямилась, впервые поглядела мне в глаза.

– Спасибо, мисс Клэйборн, – произнесла она.

– К вашим услугам, Шерил, – кивнула я, хотя и не знала толком, какие такие услуги смогу ей оказать.

Выйдя из парикмахерской, я отправилась в маленький магазин у главного входа, решив, что не помешает взглянуть, что там есть, и побаловать себя. Ронни там не было – мисс Биссель разрешила ему ходить в супермаркет. Я видела, как он шел через двор с двумя тяжелыми пакетами, хотя чего он там купил, не разглядела. А еще я надеялась встретить Джека или Элси – может, мы сможем потом прогуляться до моей квартиры.

В магазинчике было, как всегда, пусто – только продавец за прилавком, который не поднимает глаз, даже обслуживая покупателей, а тем более когда толькоходишь. Я раньше пыталась заговорить с ним, но потом заметила у него в ушах эти маленькие современные наушники и поняла – он меня практически не слышит.

– Я только посмотреть! – прокричала я, войдя. – Не обращайтесь на меня внимания!

Он и не обращал.

Я старалась как могла, но сложно что-то долго рассматривать в такой маленькой лавчонке – ну вот сколько времени можно смотреть на батон хлеба? Я не раз обсуждала это с мисс Биссель, но она говорит, что это вне ее компетенции. Не знаю, что такое компетенция, но можете быть уверены: если у мисс Биссель она есть, то простирается она до самых краев ее собственного желания. Здесь все раскрашено в простые цвета и светят яркие лампы, но у продавца усталый вид, точно его не мешает хорошенько подкормить. Здесь продаются только самые основные товары: молоко, хлеб, туалетная бумага. Еще у них есть морозильник с готовыми обедами и мороженым, маленькая витрина с тортами и печеньем. Я рассматривала витрину, пока продавец не начал поглядывать от прилавка. В конце концов я остановилась на «Баттенберге». Приятно предложить кусочек торта, если вдруг кто-нибудь зайдет в гости, а с «Баттенбергом» ошибиться невозможно. Хотя у меня, кажется, еще лежит невскрытый «Баттенберг»...

Когда я подошла платить, парень вынул наушники, но все равно громко прокричал:

– Один фунт семьдесят четыре пенса!

Я крикнула в ответ:

– Спасибо!

Я убираа сдачу в кошелек, когда неожиданно для себя сказала:

– Хотите, приведу вам полки в божеский вид?

Он уставился на меня.

– Я могу протереть вам стеллажи, – пояснила я.

– Спасибо, у нас есть уборщица.

– Я вовсе не ради денег. Сейчас я свободна, к счастью или к несчастью. Могу сразу и приступить.

– Хм, в этом нет необходимости, – отказался он.

Я уже хотела указать ему кое на что и наглядно объяснить, насколько на самом деле это необходимо, когда вошла горничная с косой до пояса – на этот раз не в розовой форме, а в пальто на два размера больше, чем ей нужно, и закутанная в шарф.

– Вы меня ищете? – спросила я.

Она покачала головой и вскоре положила на прилавок три шоколадных батончика.

– Проголодались? – На этот раз продавец не кричал.

– Да нет, просто сладкого захотелось, – отозвалась девушка.

Я улыбнулась ей:

– Я только что купила прекрасный «Баттенберг». Почему бы вам не зайти в гости? Я поставлю чайник, отрежу вам ломтик?

Девушка взглянула на меня из складок шарфа:

– Нет, спасибо, мисс Клэйборн.

– Лучше поторопитесь, пока весь торт не кончился, – засмеялась я, но девушка не ответила.

Я ждала, но они начали говорить о телешоу. Я не могла принять участие в разговоре и поэтому ушла. Обратно я выбрала длинную дорогу, в обход дворов; некоторое время посидела на одной из скамеек, поглядывая на окна своей квартиры. Я оставила свет гореть, но снаружи мало что видно, даже если встать на цыпочки и вытянуть шею. Я собиралась вернуться домой, но мне пришло в голову наведаться в общую гостиную – взглянуть на доску объявлений. Я не проверяла ее после парикмахерской, а ведь могут вывесить что-нибудь важное.

Когда я вошла, Джек смеялся над какой-то телепрограммой. Звук был включен на полную мощность. Элси, сидя в углу, наблюдала за птицами через стеклянные двери. На доске объявлений ничего не изменилось. Ни Джек, ни Элси так бы меня и не заметили, не подойди я к кофейному столику в поисках журнала, который мне хотелось взять домой.

– Флоренс! – крикнул Джек, перекрывая закадровый смех. – Что вы с собой сделали?

Я не подняла глаз.

– Уложила волосы, – сухо сказала я.

– Ну конечно! – догадался он. – Новая укладка. Очень... броско.

– Я только за журналом. Масса дел, нужно идти.

– Почему бы вам не снять пальто и не присесть ненадолго? – предложил он.

– Нет, вы же заняты, – я кивнула на телевизор.

Я была уже у двери, когда Джек окликнул меня:

– Флоренс, вы забыли журнал!

Пришлось вернуться. Джек взял пульт и выключил телевизор.

– Составьте мне компанию хоть ненадолго!

– Мне казалось, вы телевизор смотрите, – напомнила я.

– Только пока не подвернется что-нибудь получше. – И он указал на соседнее кресло.

Элси крикнула из своего угла, качая головой и смеясь:

– Да сядь уже, ради бога, из-за тебя комната выглядит безалаберно!

– Ну, разве что на минутку, – решила я. – Надолго задержаться не смогу.

Я все им рассказала, еще пока снимала пальто.

– Он нашел, где я живу, – сказала я, стягивая рукав. – Он меня специально искал!

– А может, он просто говорил о своем генеалогическом древе? – Элси поглядела на меня поверх края чашки. – В парикмахерской, когда тебе укладывают волосы, легко ослышаться и неправильно понять. Резкие запахи, журчанье воды...

– Нет, его привели сюда поиски. Он хотел меня найти.

– Зачем ему это? – удивился Джек.

Я уловила легкое движение Элси – она едва заметно повела подбородком.

– Из-за того, что случилось, – сказала я. – Из-за того, что произошло с Бэрил.

Элси уже решительно качала головой, но я вознамерилась не поддаваться и не обращала внимания.

Элси говорит, что меня порой заносит. Утверждает, что я всегда такой была, что у меня язык вечно обгоняет голову, и не успеешь и глазом моргнуть, как я уже выкладываю все, что у меня на уме.

«Некоторые вещи лучше оставить в прошлом, – говорит она, – а тебя хлебом не корми, дай только все выкопать и разболтать».

– Бэрил была сестрой Элси, – объяснила я Джеку. – С ней случилось... нечто ужасное.

– Джеку не интересно об этом слушать, – перебила Элси. – Почему бы тебе не рассказать ему о фабрике? Нам ведь там неплохо работалось, несмотря ни на что?

– Я никогда не хотела работать на фабрике, – отрезала я. – И никто из нас не хотел.

Это правда – не хотели. Но иногда жизнь ведет тебя извилистым путем – иногда только решишь чуть свернуть, уверенная, что впереди у тебя совсем другое, и лишь по прошествии лет начинаешь понимать, что прошлое не вело к цели, как ты изначально рассчитывала. Если повезет, ты чего-то добиваешься, но большинство людей мечутся по жизни из стороны в сторону, спотыкаясь о собственные колебания. Я вот никогда такой не была. Я с самого детства точно знала, кем хочу быть.

– Бэрил тоже работала на фабрике? – поинтересовался Джек.

Я покачала головой:

– Не надо о Бэрил.

Он нахмурился:

– Тогда давайте о фабрике. Если вы не хотели там работать, то чем же вы хотели заниматься?

– Я хотела стать ученым, – призналась я. – И внести вклад в мировой прогресс.

Это правда. Впервые я об этом объявила, когда мы сидели на кухне у меня дома. Пахло теплом и выпечкой, мой пес Сет лежал у ног, выстукивая хвостом по ковру некий ритм. Элси призналась, что иногда «одалживала» у меня семью – попробовать, как живут нормальные люди. По ее словам, только у нас она видела столовые приборы, разложенные вокруг тарелки на салфетке.

– Я обязательно что-нибудь изобрету. – Я отодвинула учебники с места десертной ложки. – И это изменит мир.

– А ты, Элси? – спросила моя мать.

Элси протянула руку и погладила Сета по голове.

– Бэрил говорит, нам всем дорога на фабрику. Не представляю, как ты сможешь изменить мир оттуда.

– Бэрил ничего не знает! – возмутилась я. – Треплю твоя Бэрил.

Бэрил действительно болтала без умолку. Длинный язык в конце концов и довел ее до гибели, но тогда ни я, ни Элси об этом не догадывались.

– Мир можно изменить даже из-за этого кухонного стола, стоит лишь захотеть. – Мать полезла в шкафчик и вынула большую стопку обеденных тарелок. – Нужно только делать мудрый выбор.

Джек внимательно слушал.

– Она была права, – сказал он. – Ваша мама была права.

Моя мать всегда была права. У нее была внешность женщины, которая всю жизнь делает правильный выбор. Волосы всегда подколоты, одежда выглажена. Когда бы я ни вошла в дом, мать появлялась из кухни, вытирая руки или неся что-то интересное. Она будто была шаблоном материнства, одной из выкроек, которые Гвен постоянно оставляла на обеденном столе. По моему, мама добилась всего, о чем мечтала. «Мама Флоренс» – так она всегда представлялась, и меня не покидало ощущение, что, родившись, я невольно забрала все, чем мама была раньше.

Я повернулась к Джеку:

– Я хотела, чтобы мы пошли в университет. Я все распланировала, но Элси меня не поддержала.

В голосе Джека появилась мягкость.

– Не поддержала?

– Но не потому, что я не хотела! – подала голос Элси. – Ты же знаешь мои обстоятельства! Ты прекрасно знаешь, почему я не могла пойти!

Вечером того же дня мы сидели на лужайке, глядя, как Сет носится за мотыльками. Псу никогда не удавалось схватить ни одного, поэтому он неистово на них гавкал. Лай у него был какой-то рваный, неровный и странно настойчивый, точно собака знала что-то, скрытое от нас. Неготовые отпустить лето, мы поплотнее запахнулись в кардиганы и свернулись на шезлонгах. Вечера становились холодными и неизбежными – чувствовалось, что пришла осень.

Я растянулась на шезлонге.

– Откуда тебе знать, что ты не создана для высшего образования? – спросила я. – Нам всего по четырнадцать лет! Мы еще не знаем, кто мы и что мы.

В дальних уголках сада осенний вечер начал красть дневной свет. Пусть нам было всего по четырнадцать, но я понимала – Элси уже неплохо узнала жизнь благодаря своей мамаше, которую то охватывали приступы беспричинной ярости, то она отказывалась есть по нескольку дней кряду, то ее приходилось уговаривать подняться с постели, как ребенка. Элси заставляла мать за уборкой дома ни свет ни заря, а однажды та раздала отцовскую одежду, но несколько часов спустя стучалась в двери к соседям и выпрашивала вещи обратно. Сестры Элси одна за другой старались сбежать из дома – Гвен училась на педагогическом, Бэрил подбирала себе свадебное платье, хотя в ее жизни не было и намека на кавалера, а Дот переехала куда-то в центральные графства и вышла за противного недалекого коротышку Гарольда, который с пылом навязывал окружающим свое мнение. Мать Элси заявила, что Дот сделала это назло им всем.

– Но ведь всегда остается выбор! – настаивала я. – В каждой ситуации есть альтернатива!

Элси не ответила.

– Неужели тебе не кажется, – не отставала я, – что в наших силах все изменить даже маленькими решениями?

Элси снова промолчала. Я знала, для нее заглядывать в будущее – все равно что перечитывать нелюбимую книгу.

– Никогда не знаешь, что готовит нам жизнь, – твердила я.

Сет устроился между шезлонгами и поглядывал на нас обеих.

Элси смотрела на деревья, в ветвях которых затаилась осень, ожидая своего часа.

– Да, – соглашалась она. – Пожалуй, что и не знаешь.

В январе умерла моя мать.

– Легкие, – сочувственно сказала мне мать Элси. – Они у вас в роду.

Я хотела сказать, что легкие есть в каждой семье вместе с почками и сердцами, но после гибели отца Элси у ее матери появился странный пунктик на смерти. Чем ужаснее конец чьей-то жизни, тем лучше. Однажды она прошагала три мили под проливным дождем, только чтобы поглазеть на дерево, где разбился мотоциклист.

– Это важно, – заявила она, – увидеть своими глазами.

Сперва я не понимала, как можно смотреть на нестерпимо отвратительные картины, но потом до меня дошло – для нее это утешение. Матери Элси нравилось напоминать себе, что Бог не ее одну выбрал жертвой – трагедии и несчастья случаются и с другими. Это укрепляло ее во мнении, что у каждого своя судьба и за нас уже все решено. Когда я пробовала спорить, Бэрил сказала, не отрываясь от своего журнала:

– Она ненормальная, если хочешь мое мнение.

Не исключено, что мать Элси действительно была больна, но ведь никто никогда не глядел ей мозги на просвет. Может, в ее голове теснилось столько историй, что она не могла подобрать для них слов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.